

Наталья Полянская

МАГАЗИН ВОЛШЕБНЫХ УКРАШЕНИЙ

Наталия Полянская

Магазин волшебных украшений

«Автор»

2023

Полянская Н.

Магазин волшебных украшений / Н. Полянская — «Автор»,
2023

Моя тетя Розалинда очень любила город Райстон. Там она жила, там и умерла – смертью столь загадочной, что до сих пор никто объяснить не может. Мне она оставила свой магазин, где мы когда-то вместе создавали волшебные украшения, странный защитный кулон и целый ворох загадок. Я приехала в Райстон, чтобы самостоятельно разобраться в происходящем, вернуться к работе мастера-артефактора и выяснить, что в последнее время скрывала от меня тетя. А еще, возможно, это шанс для меня заслужить прощение. Поверьте, есть за что.

© Полянская Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наталия Полянская

Магазин волшебных украшений

Глава 1

Все должно было начаться с того, что я стою перед магазином и восклицаю: «О, ничего не изменилось!» – или: «О ужас, что с ним стало!». Мои глаза блестят восторгом или печалью, солнце задумчиво греет макушку, а герань на окнах домов склоняет соцветия, чтобы приветствовать меня. Из соседнего переулочка доносится тихая музыка: это мальчик-скрипач водит смычком по струнам, но в его шапке еще ни одной монетки...

Я иногда рисую себе картинки, как все должно быть. В основном красивые, конечно. Иногда лезут мне в голову всякие ужасы, а я их выгоняю потрепанным веником и захлопываю за ними дверь. Это не значит, что я далека от реальности; это значит, что я предпочитаю верить в хорошее.

Реальность, конечно, была совсем другой.

Шел проливной дождь, и шел не первый день, как часто случается здесь в начале весны. Поверенный попросил кэбмена остановить экипаж перед входом, и мы быстро перебежали под козырек. Пока мистер Стайлс возился с ключами, мои ноги в тонких сапожках успели промокнуть. Эх, где-то дырка.

– Приложите, пожалуйста, руку.

– Что?

– Руку. Вот сюда.

По двери прошла волна защитной магии, и замок открылся. Мы ввалились в торговый зал, где не было видно ни зги. Однако мистер Стайлс неплохо ориентировался: тут же открыл заслонки, мешавшие тусклому дневному свету проникнуть внутрь, и я смогла оглядеться.

Магазин был таким, каким я его помнила, только гораздо более пустым. Пыльные витрины укоризненно смотрели на меня стеклянными глазами, цветные бутылочки на полках, где тетя хранила бусины, толпились в беспорядке. Мистер Стайлс еще раньше поведал мне, что все ценное имущество по описи уложили в коробки и увезли в банковское хранилище: не стали разбираться, где там драгоценности, а где артефакты. Без таинственного блеска эмалей и камней магазин выглядел ограбленным интеллигентными ворами, которые постеснялись разводить беспорядок.

– Так, – сказал поверенный, извлекая из портфеля пачку бумаг, – вы здесь уже бывали, верно? Помните, что где расположено?

– Сначала торговый зал, дальше тетин кабинет и подсобные помещения. Мастерская ювелира вон там, – я ткнула пальцем за стеклянную загородку. – Кстати, магическая защита еще держится?

– Проверьте, тут все на вас настроено.

Я подошла к отгороженному закутку. Тетя любила работать так, чтобы ее видели, и это привлекало покупателей, поэтому чаще всего сидела не в кабинете, а заставляла ювелира делиться столом. У нее часто брали простенькие защитные амулеты для детей после того, как те налюбуются на цветное мастерство мага-артефактора, которое тот мог продемонстрировать, если хотел. Однако любопытные ручонки всегда норовят стащить нечто запретное, поэтому в закуток разрешалось заходить только мастеру или его помощникам. Я провела ладонью по стеклу: искрит, но слабо. Надо обновлять.

– Если хотите, я вызову мага, он поставит контур, – сказал мистер Стайлс, наблюдавший за моими действиями.

– Да, пожалуйста, – кивнула я. Незвестно, чего ждать от местных, я слишком давно здесь не была. Пока не стоит упоминать о том, что я сама могла бы установить защиту.

Поверенный сделал себе пометку.

– Еще вам понадобится обновить защиту на сам дом. Тут до сегодняшнего дня охранники дежурили, это ваша тетя отдельно распорядилась. Даже пустой, такой магазин притягателен. Все-таки камни, приманка для сомнительных личностей... Если, конечно, вы не изменили свое решение.

– Продавать не буду, – тут же откликнулась я. Мистер Стайлс активно уговаривал меня избавиться от магазина, утверждая, что у него очередь стоит из покупателей на здание. Я их понимала: почти центр города, Ратушная площадь в двух шагах. – Давайте этот вопрос закроем. Для начала я хочу разобраться, что оставила мне тетя.

– Довольно немного, на мой взгляд, – вздохнул поверенный, видимо, отчаявшись меня уговорить. – Ваша тетушка, теплая ей память, последние два года почти не торговала. Магазин работал два дня в неделю, и покупателей было немного. Однако, никаких долгов за ним не числится, леди Галбрейт исправно оплачивала счета. Вот здесь, – он протянул мне толстую папку, – отчеты поставщиков за последний год и бухгалтерская книга. Остальное в сейфе. Вам следует навестись в банк и заказать защищенную доставку, чтобы все ценности и бумаги перевезли сюда.

– Как скоро это удастся проделать?

Поверенный сунул руку в карман, извлек хронометр на цепочке и отщелкнул крышку.

– Так, сегодня у нас вторник... Боюсь, только завтра утром. До закрытия Континентального банка осталось всего полчаса, и хотя отсюда пять минут пешком...

– Конечно. Завтра утром меня устроит.

– Отделение прямо за ратушей, на Банковской. Советую прийти пораньше: служащих у них не так много, и очереди...

– Спасибо за совет, мистер Стайлс. Сейчас, с вашего позволения, я хотела бы осмотреть дом. Вы говорили, это обязательно.

– Формальность! Тут все в порядке, уверяю вас. – Он двинулся за мной по темному коридору, ведущему, как я помнила, к кухне. – Леди Галбрейт была очень добра ко мне, да и многие в этом городе еще долго будут вспоминать о ней. Из уважения к ее памяти я все лично здесь перепроверил, прежде чем имущество было опечатано в ожидании приезда наследницы. То есть вас.

– То есть меня. Я очень ценю ваше отношение, мистер Стайлс. Тетя Розалинда была доброй душой; мне тоже очень ее не хватает.

– Значит, откроете магазин заново? Вы сами артефактор – или будете кого-то нанимать?

– Полагаю, что да, открою, – кивнула я. Мистер Стайлс распаивал передо мной двери одну за другой, я мельком заглядывала внутрь – осмотр, действительно, не более, чем формальность. – У меня есть диплом артефактора, но, думаю, помощники мне не помешают. Я уже подала прошение об открытии. Сегодня утром, когда приехала в город.

– О, побывали в ратуше? Ну, теперь к вам нагрянет ИМД. Эти себя ждать не заставят.

– Как они тут у вас, сильно лютуют?

Мистер Стайлс пожал плечами и первым начал подниматься по лестнице на второй этаж.

– Когда как. Инспектора, опять же, люди разные. В целом, наши торговцы не жалуются, хотя контролируют их довольно строго. Здесь же проходит Великий тракт, все службы бдят. Но скажите спасибо, что у нас не портовый город, там бы вас через ледяное пламя прогнали, прежде чем вы получили бы разрешение на открытие. Даже если все бумаги в порядке.

– Охранники ничего не касались?

– Нет, просто присматривали. Там при кухне есть закуток, они спали по очереди. Обедали не здесь. Леди Галбрейт оставила очень четкие распоряжения.

Второй этаж мы осмотрели еще быстрее: там располагались личные комнаты тети Розалинды, и я решила, что буду разбираться с ними, когда въеду. Жить в гостинице накладно, да и мне хотелось находиться как можно ближе к магазину. Дел здесь невпроворот.

– Если все в порядке, подпишите вот тут и тут, – когда мы вернулись в торговый зал, мистер Стайлс положил передо мной бумаги. Я взяла у него из рук самопишущее перо и подмахнула там, где стояли галочки. – Теперь вы – официальная владелица, мисс Смит. Поздравляю со вступлением в права.

Никакой торжественности в его голосе не было – очередная формальная фраза. Мистер Стайлс мне, кажется, даже немного сочувствовал. Видимо, чуял, что я влипла.

Что ж, он был прав.

Поверенный любезно подвез меня от Лавандовой улицы до гостиницы, предложил обращаться к нему с вопросами, ежели у меня таковые возникнут, и отбыл. Я поднялась в номер, который сняла сегодня утром: небольшая уютная комната с собственной ванной, оклеенная зелеными обоями, отчего казалось, что лежишь во мху и смотришь на сосны. Нил где-то прятался, и я не стала его искать. Умылась, переоделась, сменила промокшие сапожки на туфли и спустилась в ресторацию – поужинать.

Райстон я посещала в последний раз на каникулах перед третьим курсом; тогда стояло роскошное лето, будто сбрызнутое дынным соком и пропахшее сухой травой. Сейчас была середина весны, и, когда закончатся дожди, придет жара. Но пока воздух был сырой, прохладный, тяжелый от влаги. В ресторанном зале горел камин, и все равно я куталась в шаль.

Я уселась за столик в дальнем углу – мне видно всех, а меня почти никому не видно, – и, заказав суп из спаржи и телячью отбивную, принялась разглядывать посетителей. Мне когда-то нравились путешествия, дарующие случайные встречи, нравилась возможность рассматривать людей, каждый из которых, словно шлейф, тащил за собой историю. Некоторые читались легко, других же не угадаешь. Вон за тем столиком, похоже, коммивояжер, и судя по напоям, усишкам, ему в лапы лучше не попадаться. Торгует какой-нибудь женской дребеденью, считает всех дам глупыми щебечущими птичками, пристанет, как репей к заднице. А вон там, у самого входа, парочка светских львиц: блестящие платья, облака меха на плечах, сигареты в мундштуках. Интересно, местные? Если да, то еще увидимся: подобного типа дамы – самая платежеспособная публика в магазине артефактов.

Мне принесли суп (отменный, кстати) и, в качестве комплимента от заведения, бокал горячего вина. Я ела и продолжала наблюдать за людьми: большинство, конечно же, здесь проездом, однако стоит вспомнить, как они вообще выглядят. Проведя последние годы в замкнутом мирке Аддисон-Холла, я, кажется, слегка одичала. Не то чтобы мне хотелось отпустить без зазрения совести крепкое словцо или же смачно высморкаться через плечо, как тамошние крестьяне, однако следовало вспомнить ритм жизни большого города. Когда-то я наслаждалась этим ритмом, мое сердце билось в нем, я представить себе не могла существования вовне. Лезла на стенку, когда это случилось. Казалось, вернусь – и мгновенно вольюсь в это вечное движение; а я ощущала себя здесь чужой.

Однако мне необходимо привыкнуть заново. У меня просто нет иного выхода.

Глава 2

В ратуше меня неожиданно пригласили к бургомистру.

– Вы уверены? – поинтересовалась я у клерка, который и озвучил сей любезный посыл. – Мне только разрешение на торговлю получить, бумаги у меня в порядке.

– Бургомистр лично отметил, что хочет вас видеть, поэтому прошу, – он указал мне на дверь и подождал, пока я выйду, чтобы тут же пристроиться на шаг впереди.

Ратуша в Райстоне мне всегда нравилась. Роскошное здание, построенное пару веков назад, еще в имперские времена, содержалось в порядке – хвала городским главам. Клерк провел меня по галерее над приемным холлом; здесь тонкие колонны были выполнены в виде древесных стволов, а их каменная листва сплеталась на потолке в причудливый, ни разу не повторяющийся узор. Высокие окна, украшенные витражными стеклами, пропускали внутрь солнечный свет; болезненно-яркий на улице, здесь он дробился на цветные леденцовые пятна. Так и хотелось их лизнуть.

Бургомистр обитал на верхнем этаже: поближе к богам, подальше от шумной Ратушной площади. Перед кабинетом сидела за столом дама средних лет, сухая, будто палка, с лицом несостоявшейся балерины. Она недоверчиво на меня уставилась, нашла мое имя в списках и, не переставая подозревать, конвоировала внутрь. Клерк проводил меня сочувствующим взглядом.

Кабинет, разумеется, оказался роскошным. Я здесь раньше не бывала, хотя с тетушкой мы в ратушу когда-то наведывались: леди Галбрейт заглядывала сюда по делам, а еще водила знакомство с предыдущим городским главой. Этот бургомистр был для меня новым, его, как я знала, назначили всего пару лет назад. Даже хорошо, что наше знакомство состоится прямо сейчас: по слухам, новый городской глава – негласный ставленник герцога Крофтона, а на это Людвиг велел обращать особое внимание.

Окна были закрыты, чтобы крики торговцев не тревожили бургомистра, и оттого кабинет обнимал духотой. Под ногами простирался бесконечный вансанский ковер, на котором отважные воины гнались за белоснежной ланью и никак не могли ее поймать. Кресла обиты винным бархатом, в камине томится целое бревно, а оленья голова на стене как бы символизирует, что ковер ковром, но от охотников никуда не деться.

Бургомистр поднялся мне навстречу. Я оценила: как глава города, он был не обязан меня так приветствовать, даже несмотря на то, что я леди. В этом кабинете я не более чем просительница, уповающая на милость и снисхождение властей. Учитывая все обстоятельства...

Руку мне бургомистр целовать не стал, ограничился вежливым кивком. Это был невысокий, крепко сбитый человек с широкими плечами и без капли лишнего веса, которым часто отличаются многие из тех, кто высоко сидит. Темный костюм словно обволакивал тренированное тело, на шейном платке поблескивала хризолитовая булавка. Волосы бургомистр стриг коротко, смотрел исподлобья, и его волчий прищур мне не понравился. Серьезный человек, совсем не напоминающий Бэрстона, что сидел тут раньше и походил скорее на булочника, чем на чиновника.

– Леди Смит, – приветствовал он меня и коротким взмахом руки отпустил свою помощницу; дверь позади тихо закрылась. Бургомистр указал мне на кресло для посетителей. – Я Хорас Шакли, управляю этим городом. Вы знаете, почему я вас пригласил?

– Честно говоря, теряюсь в догадках, – ответила я, усаживаясь.

– Полагаю, вы лукавите, миледи. – Шакли тоже уселся, покопался в груде папок и выудил одну, с зелеными завязками. – Я внимательно изучил ваши документы и поданное прошение. Честно говоря, вы меня озадачили. Не знал, что у леди Галбрейт имеется наследница-артефактор.

Он открыл папку и принялся перебирать бумаги, пока не дошел до одной.

– Вот это, – он вытащил лист, в самом низу которого болталась гербовая печать с синей ленточкой, похожей на язык утопленника, – письмо от герцога Аддисона с *особой* просьбой оказать вам содействие. В этом послании, содержание которого, разумеется, вам известно, его светлость настаивает, чтобы я принял вас с надлежащим уважением и по возможности способствовал вашему, гм, успеху в качестве владелицы магазина артефактов.

– Украшений, – любезно подсказала я. – В первую очередь. Артефакты – лишь небольшая часть, дополнение.

– Да-да, конечно, – хмыкнул Шакли, ни на секунду мне не поверив. – Я мог бы игнорировать это письмо, ведь оно исключительно неофициально. Однако пропускать мимо ушей просьбы герцогов – значит навлечь на себя неприятности, верно, леди Смит?

Мне понравилось, как он говорит, а это означало одно: если бургомистр замешан, он – опасный противник. Пора включать обаяние. Я мило улыбнулась и смущенно опустила взгляд.

– О, сэр Шакли, я понятия не имею, о каких неприятностях тут может идти речь. Видите ли, герцог Аддисон был так любезен оттого, что я прослужила в его доме несколько лет. Я была одной из учительниц его детей, преподавала этикет и – для младших – основы магической безопасности. Мы... немного сдружились с герцогом, и когда моя тетя умерла и я выразила желание вступить в наследство, он захотел мне помочь.

Я снова посмотрела на бургомистра: лицо его оставалось непроницаемым, но взгляд... Легкая тень брезгливости, о да. Наверняка решил, что герцог запускал руки мне под юбку, пока его детки разучивали книксены и поклоны в соседней комнате. Прекрасно.

– Я люблю украшения, – продолжила я и провела кончиками пальцев по своему ожерелью, – и носить, и создавать. Это все, чего я хочу. Тетя давно говорила, что хотела бы оставить свой магазин мне. Поверьте, никаких неприятностей.

– Имеется еще один факт, леди Смит, – Шакли вынул следующую бумагу и продемонстрировал мне, – вот это. Почему? Здесь нет никаких подробностей, а указания достаточно четкие. Хотя это больше дело ИМД, чем мое, но мне хотелось бы знать.

Я глубоко вздохнула и понурила голову. Так, теперь главное – не переиграть.

– Видите ли, мой талант... Когда-то он был нестабилен, а я относилась к этому беспечно. Потому меня слегка ограничили. Но с тех пор прошло много лет, и сейчас все ограничения сняли. Я понимаю, что попадаю под особый контроль ИМД, и ничуть против этого не возражаю. Даже если они будут навешиваться ко мне каждый день. Поверьте, – тут я снова взглянула на бургомистра, стараясь сделать голос как можно более нежным, – я хочу лишь спокойно работать, заниматься любимым делом и соблюдать правила. Мне снова дали шанс быть артефактором, на которого я училась. Я использую этот шанс.

– Вы уверены, что справитесь? – Он поморщился. – Простите за этот вопрос, миледи, но... Судя по бумагам, вы сирота, у вас нет семьи и заступиться за вас некому. Единственной вашей родственницей, сестрой матери, была леди Галбрейт. Артефакты – лакомый кусочек для теневого рынка, а, как бы я ни хотел полностью искоренить преступность в городе, вы догадываетесь, что она здесь есть. Великий тракт способствует. К вашей тете приходили, и к вам придут. Это не единственный магазин артефактов в городе, однако у леди Галбрейт имелась определенная известность. Она была довольно жестким человеком с безупречной репутацией. Ваша репутация, – он постучал пальцем по бумагам, – с самого начала не безупречна.

– Об этом знаем только мы с вами, не так ли?

– И будет знать ИМД. Вряд ли информация просочится, и все же... Мне хотелось бы думать, что я принимаю правильное решение, разрешая вам торговлю.

– Я найму круглосуточную охрану, – пообещала я, – и закажу защитный контур у лучшей компании в Райстоне. Как я уже сказала, мне милы, в основном, обычные украшения, не только и не столько артефакты. У меня нет лицензии на боевые амулеты или сложные заказы

для лекарей. Защитные кулоны, мелочевка на удачу, браслеты от сглаза – вот то, чем я буду заниматься. Маленькая бытовая магия. Боюсь, если ко мне придет кто-нибудь из... бандитов, – я округлила глаза, – то я их очень сильно разочарую. Им ведь, наверное, не это нужно. И, разумеется, стоит сразу доложить вам?

– Не мне. Если к вам кто-то заявится, сообщите своему инспектору из ИМД, а дальше это их дело – и городской полиции. Ладно, леди Смит, – Шакли тяжело вздохнул, – из уважения к памяти леди Галбрейт и его светлости Аддисону... Я подпишу ваше разрешение на торговлю. Но учтите, за вами будут наблюдать, и постарайтесь вести себя достойно. Леди Галбрейт очень любила Райстон, даже помогала ремонтировать шпиль башни, – он указал куда-то вверх, – и делала все, чтобы город жил спокойно. От вас я ожидаю того же, только шпиль чинить уже не нужно. Это ясно?

– Предельно ясно, сэр.

Он подмахнул нужную бумагу, поставил печати, велел хранить в сейфе и отпустил меня. Я вышла, прижимая к себе папку с зелеными завязками и спиной чувствуя пристальный взгляд Хораса Шакли.

Дождь прекратился, облака отползли от города, открыв изумрудные склоны гор и колокольчиковое небо. Райстон встряхнулся, будто большая собака после купания, и выглядел гораздо более оживленным, чем вчера. Выйдя из ратуши, я подняла голову, чтобы рассмотреть шпиль. Тоненькая башня, увенчанная золотым листочком – символом процветания – возносила в очистившиеся небеса. Красиво.

На площади толпился народ, откуда-то долетали выкрики. Приглядевшись, я заметила протестующих: близко к крыльцу ратуши они старались не подходить, выстроились неровной шеренгой так, чтобы бургомистр мог увидеть их из окна. В основном тут были мужчины и женщины средних лет, державшие плакаты «Нет повышению налогов» и «Наши дети голодают». Выдумки никакой, зато понятно.

– Что здесь происходит? – спросила я у мальчишки-газетчика, который стоял, прислонившись к афишной тумбе и поплеывая на мостовую.

– Королевский совет проголосовал за повышение налога с прибыли для тех, кто торгует едой, – оттарабанил мальчик и протянул мне газету. – Лоточники протестуют. Хотите прочитать? Всего один арс, мисс!

Я дала ему медяшку и сунула газету в сумочку. Позже ознакомлюсь с местными новостями, а сейчас нужно пополучить свое имущество.

В отделении Континентального банка тосковала очередь, и мне пришлось провести полчаса, разглядывая буклеты. Обещали кредит под небольшие проценты для «надежных платежеспособных граждан» и рассказывали о преимуществах долгосрочных вкладов. Все это меня пока не интересовало. Вместе с магазином тетя оставила мне небольшое состояние, и, если я буду вести себя разумно и не растрянжирю все в первый же месяц, на полгода становления магазина хватит, да еще и в запасе останется. О долгосрочных вкладах можно подумать, когда мне будет что вкладывать. Конечно, мне есть к кому обратиться, только вот... я скорее отгрызу себе руку, чем напишу Эдварду или герцогу Аддисону с такой просьбой.

Наконец, меня пригласили в кабинет, где приятный мужчина лет тридцати, представившийся Коннором Трейси, моим банковским помощником, попросил меня удостоверить личность. Капля крови на амулет, несколько подписанных бумаг – и вот мы уже спускаемся в хранилище.

– Прошу прощения, что заставил вас ждать, – извинился передо мной мистер Трейси, пока мы шли по коридорам. – Леди Галбрейт была нашей постоянной клиенткой, я занимался ее делами последние пять лет. Это большая честь для меня – стать и вашим помощником. Если у вас возникнут хоть малейшие вопросы, пожалуйста, обращайтесь ко мне. Впредь вам

не придется ждать в очереди, просто подойдите к клерку в зале и назовите свое имя, и я приму вас в течение нескольких минут.

– Благодарю, мистер Трейси. Я очень ценю такое отношение.

– Ну, вот. – Он остановился перед обитой железом дверью, на которую были нанесены защитные знаки, и отдал мне коробочку с ключом. – На столе – те бумаги, которые леди Галбрейт просила вас посмотреть в первую очередь. Все остальное запечатано в ящиках, вы можете открыть любой и проверить.

– Я не сомневаюсь, что в Континентальном банке мое имущество под надежной охраной, – мягко произнесла я. Трейси смотрел на меня с восторгом, и после сухого отношения бургомистра, не впечатлившегося моей миловидностью, это согрело душу. Глупо, знаю, но... так приятно! – Что мне сделать, когда я закончу?

– У двери есть кнопка. Нажмите, и я приду за вами.

Он ушел, а я открыла дверь, наслаждаясь пением магии. В банках сами двери – это гигантские артефакты с очень сложными формулами; да что там, стены тоже зачарованы. Великолепная работа, хотя совсем не мой профиль.

Комната оказалась неприлично большой. До сих пор я и не подозревала, сколько у тетушки в магазине ценного имущества. Вдоль стен громоздились ящики, их ряды поднимались до потолка. Я застонала, представляя, что мне нужно будет все это разобрать. Да тут работы на неделю или две! А хотелось бы открыться как можно скорее, время поджидает.

– Ладно, – пробормотала я, – буду решать проблемы по мере поступления.

В центре комнаты стоял стол, и на нем тоже были ящики – по всей видимости, с магазинными документами. Актуальную бухгалтерскую книгу мне уже передал поверенный, а тут, наверное, списки закупок, накладные и прочая, прочая. На видном месте лежал толстый коричневый конверт, надписанный почерком тетушки Розалинды. Я взяла его. «Моей любимой племяннице Марике, лично в руки. Вскрыть в защищенном месте». Конверт оказался тяжелым и сам являлся артефактом: отпирала его капля моей крови. Сильная защита, надо же...

Я села в кресло, открыла конверт и вытряхнула на стол его содержимое. Несколько листов, исписанных все тем же аккуратным тетиным почерком, и алый бархатный мешочек. Его я пока отложила в сторону, глубоко вздохнула, развернула письмо и начала читать.

«Моя дорогая Марика!

Пишу тебе, уже зная, что скоро покину этот мир. Мне остался день или два, и я так жалею, что совершила ошибку и не поняла раньше, как у меня мало времени. Что ж, это повод сделать все правильно – и быстро.

Для начала хочу сказать, что не держу обиды. Я постоянно говорила об этом в письмах, однако желаю заверить тебя еще раз: то, что ты не появлялась в Райстоне, понятно и объяснимо. Благодарю, что отвечала на мои письма и не забывала свою тетушку. И пусть я скучала по тебе, скучала неодолимо, я уважаю твое решение и всегда поддерживала тебя. Мне жаль лишь, что твой талант артефактора был слишком долго скрыт от мира, и жаль, что ты так и не простила себя. Марика, я никогда не считала тебя настолько виновной, как ты сама. Возможно, пришел момент отпустить это? Кто тебя точно не осуждает, так это я, особенно сейчас – ведь на мне лежит тяжесть очень похожей ошибки.

Прости меня, что лезу тебе в душу. Я не позволяла себе этого, пока была жива, но теперь-то это моя последняя воля, и я могу говорить, что вздумается. Прости также, что оставляю мою любимую племянницу с нерешенными вопросами: не хотелось бросать тебя. И все-таки... Это шанс для нас обеих. Да, письмо можешь вскрыть только ты, однако в последнее время я опасаясь даже своей тени. Непривычно слышать это от меня? Когда-

то я ничего не боялась. Мне казалось, будто я бессмертна и нет вещей сильнее меня. Наивность! Возможно, и это послание побывает в чужих руках прежде, чем его увидишь ты. Я обязана быть предельно осторожной, ведь сама себя я уже погубила, и меньше всего мне хотелось бы причинить вред тебе.

Моя милая девочка... Ты знаешь, о чем я говорю. В этот момент, когда читаешь, уже знаешь. Я оставляю тебе магазин и хочу, чтобы ты продолжила мое дело. Продолжила так, как сможешь, вложив в него все силы. Помню, как ты об этом мечтала. «Тетушка Розалинда, – говорила ты, – когда стану настоящим артефактором, я буду помогать тебе здесь! Мы сделаем так много красивых украшений, что о нас заговорит все королевство!». Тебе было лет десять или около того; надеюсь, что-то живо в тебе из тех желаний...

Мне нравилось, что ты любишь Райстон. Я тоже его люблю, и я гуляла по его улицам часами. В память обо мне как-нибудь выбери время и пройдишь по тем местам, где мы обожали бывать вместе; уверена, ты обнаружишь: там что-то изменилось, но немного. Пусть они останутся тебе в память обо мне.

И все же, хоть я и бросаю тебя наедине с неизвестностью, совсем без помощи ты не будешь.

Во-первых, есть список людей, с которыми я работала. Присмотрись к нему, познакомься с ними. Возможно, с кем-то ты захочешь продолжить деловые отношения, а возможно, сама отыщешь тех, кому сможешь доверять. Единственный, кого я отмечу отдельно, это мастер камней. Его я бы тебе настоятельно рекомендовала.

Во-вторых, сам магазин. Я всегда знала, что передам его тебе, и в нем все сохранилось так, как мы с тобой обустроивали. Если ты захочешь это поменять, чувствуй себя свободно. Единственное, что я попрошу пока оставить, – это все предметы защитного контура, он очень хорош, и тебе понадобится лишь обновить его магически. А остальное... Мне не нужно, чтобы память обо мне пылилась в бутылках, которые тебе не нравятся, или застыла в устаревшей стойке мастерской. Память – нечто столь же осязаемое, как вещи, насколько бы странно это ни звучало. Некоторые вещи хранят особые воспоминания.

И тут будет в-третьих.

Я прилагаю к письму кулон. Это редкий камень, такие нечасто встречаются, и он имеет для меня особое значение. Когда я создавала это украшение, мы уже давно как не виделись лицом к лицу, но я думала о тебе каждый миг. Кулон только твой. Лишь ты сможешь раскрыть все его возможности. И пусть это просто небольшая безделушка, я верю, что он будет охранять тебя, дарить воспоминания и поможет отыскать свой путь – тот, что приведет тебя к чистому, ясному счастью. Ты заслуживаешь этого, Марика. Заслуживаешь того, чтобы быть оправданной, в первую очередь, в собственных глазах.

Моя дорогая! Уже поздняя ночь, времени осталось так мало, а я не желаю расставаться с тобой. Поставить точку означает сказать последнее «прощай», и мне хочется растянуть этот миг навечно. Пока я пишу тебе, я не одна. Хочу говорить с тобой всегда. Хочу делиться тем, что узнала.

Время однажды закончится, и нужно все успеть.

Иногда самые простые ответы и есть самые правильные.

Любовь – самая мощная защита.

Банальные истины, скажешь ты. Они мало ценятся, ибо слишком затрепаны, и становятся безумно важными, когда от жизни остался куцый огрызок. Я не могу поступить с тобой жестоко и продолжать писать это, вызывая у тебя печальные чувства. Я прожила эту жизнь с достоинством, страстью и радостью, и тут не о чем грустить. У каждого своя дорога; моя заканчивается здесь. Возможно, в ином мире боги подарят мне иную судьбу. А даже если нет и меня поглотит ледяное пламя, карая за все, что я совершила и не совершила... О чем я никогда не буду жалеть, так это ты.

*Со всей любовью и нежностью,
Твоя тетя Розалинда».*

Я отложила письмо. Оно было совсем рядом, подмигивало исписанными страницами, и мне безумно захотелось перечитать его еще раз, выучить наизусть, чтобы слова навечно отпечатались в сердце. Так я и сделаю, но позже. Сейчас нужно не плакать (глупее некуда – рыдать в банковском сейфе!) и заняться тем, чего тетушка от меня хотела. Чего хотела я сама, теперь сильнее, чем когда-либо.

Я открыла бархатный мешочек и вытряхнула на ладонь его содержимое.

Надо же. Морион.

Камень, действительно, был редкий, и еще реже он попадал к ювелирам – в основном, оседал на теневом рынке и у коллекционеров. Разновидность кварца, для профессионалов – черный хрусталь, а перекупщики называли его смоляк. Он изначально был темным, с пластинчатыми проблесками в глубине, и лишь при работе артефактора начинал менять цвета. Дальше мастер сам решал, какой оттенок ему оставить.

Тетушка остановилась между черным и дымчато-серым – нейтральное украшение, не привлекающее к себе внимания. Тонкая цепочка оказалась достаточно длинной, чтобы камень можно было спрятать в декольте. Огранка – самая простая, в форме груши, она же капля; оправа – еле заметные ниточки серебра, протянувшиеся по кулону, словно побеги. Я даже разглядела крохотные листики и нежное мерцание в глубине.

Я подержала морион в ладони, чтобы привыкнуть к нему и он привык ко мне, а затем положила перед собою, дотронулась указательным пальцем и произнесла стандарт открытия. И едва не задохнулась от удивления, когда передо мной повисло огромное золотистое облако формул.

Тетя Розалинда была гением, я всегда это знала. Она учила меня таким вещам, которых не знал более никто. Она вплетала заклинания в предметы, и они после этого выглядели так, будто родились на свет с магией внутри. Именно тетя вдохновила меня стать артефактором. Именно она всегда поддерживала меня, когда остальная семья лишь терпела. Но даже для тетушки это выглядело... сложно.

Артефакты такого уровня почти никогда не попадали мне в руки. У герцога Аддисона было несколько, и однажды он любезно разрешил мне взглянуть, естественно, под присмотром своего придворного специалиста. Я держала в руках брошь, которой исполнилось более пятисот лет, а формулы не поблекли; касалась кольца, способного обеспечить защиту десятку людей одновременно. Этот кулон мог занять достойное место даже в королевской сокровищнице – а достался мне.

Я принялась перебирать формулы, стараясь понять, на что они работают. Защита, конечно, в первую очередь, но была здесь и крупница удачи (ровно столько, чтобы не нарушать баланса), и стабилизация путей, и какая-то запечатанная коробка высших значений – я даже близко не представляла себе, что это. Расчеты тянулись бесконечно далеко, уходя за грань понимания. Потребуется достаточно много времени, чтобы расшифровать кулон, и я твердо

намеревалась это сделать. Тетушка ничего об этом не писала, однако так я смогла бы ее удивить. Лучшая память, которой она заслуживает.

Я надела кулон на шею, и меня на миг окутало теплое сияние, согрев и обнадежив. Теперь у меня есть защита от нападения (от смерти не спасет, однако самых наглых остановит), универсальный отвод глаз и много чего еще. Мои артефакты по сравнению с тетиным кулоном – игрушки, но я все равно сохраняю их. Мало ли, что может пригодиться.

Пора было двигаться дальше. Я подошла к двери и нажала на кнопку, призывая мистера Трейси.

Глава 3

В гостиницу я возвращалась быстрым шагом. Доставку вещей из сейфа пообещали организовать уже сегодня вечером, а до того мне нужно забрать вещи и Нила, переехать, обновить защитный контур магазина... Дела множились.

Нил обнаружился на кровати: дрых, раскинув лапы, и в ус не дул. Хотя, все же, дул. Роскошные усы моего кота трепетали, когда он еле слышно похрапывал, и кончик языка высовывался между зубов. Я погладила зверя по шикарному пушистому пузу.

– Давай, просыпайся. Нам пора ехать.

Нил недовольно задергал ушами и открыл глаза; по его ошейнику пробежали искры, жетон на мгновение налился светом, и тут же потеплел мой браслет на левой руке.

– Это обязательно? Вот прямо сейчас? Я только что поел.

– Обязательно. Мы торопимся.

– Ладно. – Он был недоволен, как всегда, и я приготовилась к непрерывному ворчанию. Кот меня удивил: резко сел и молча разглядывал меня, прищурившись.

– Что? – я оглядела юбку: может, испачкалась по пути в гостиницу? Платье вроде в порядке.

– Проводник душ, – сказал Нил. – Откуда на тебе проводник душ?

Я не сразу сообразила, о чем он говорит, а потом дошло. Я извлекла из-под воротника кулон и показала коту.

– Это тетушкин подарок, забрала из сейфа. Нравится?

– Ты знаешь, что его используют для спиритических сеансов? Я такие видал. А еще умелый медиум может в него загнать душу. Ты меня хочешь туда поселить?

Нил много чего боялся. Например, что он мне надоест своим тяжелым характером, я отнесу его к медиуму и отправлю в счастливые сады. Или что позволю жить лишь в неподвижных предметах: суну в старый будильник, закину на чердак, а дальше как хочешь. Кот станет просто котом, будет мурлыкать и гоняться за солнечными зайчиками... Нил никогда не мурлыкал: считал ниже своего достоинства.

– Ерунды не говори, – фыркнула я, спрятала кулон под одежду и принялась закидывать вещи в чемодан. Особой любовью к порядку я не отличалась, поэтому вокруг мгновенно образовывался хаос. – И лучше полезай в переноску. У нас с тобой миллион дел.

– Вторая туфля под кроватью, если ты ее ищешь. Перестала бы уже разбрасывать вещи где попало.

– Спасибо, Нил.

К счастью, предчувствуя близкий отъезд, распаковала я в гостинице лишь один чемодан, остальные вещи так и стояли в сундуках. С трудом запихав одежду и обувь (как-то же они туда помещались раньше?), я застегнула чемодан, подтолкнула Нила в переноску и вызвала носильщика. Часы неумолимо тикали.

Портье вызвал мне кэб, мы погрузили туда вещи, и я торжественно отбыла из гостиницы. Пообещала кэбмену щедрые чаевые, если он поможет внести сундуки в магазин. «Это не разбрасывание деньгами, это разумное вложение в экономию времени и сил, – уговаривала я себя. – Я сделаю артефакт транспортировки, но... попозже».

Кэбмен договоренность выполнил, и уже спустя полчаса после отъезда из гостиницы я стояла посреди торгового зала, окруженная сундуками. Нил, выпущенный из переноски, осторожно прошелся туда-сюда.

– Фонит, – пожаловался он. – Тут много остаточных кусков магии, зависли в воздухе, как пыль. Сама, что ли, не видишь?

– Я еще не приглядывалась.

– Так приглядишься. Надо почистить.

– Сначала защитный контур. Тетя велела не менять предметы, на которые он замкнут. Проверишь со мной?

– Ну уж нет, – буркнул Нил и побрел в сторону кухни – инспектировать, не завалилось ли где что вкусное.

Я пожала плечами. Сама прекрасно справлюсь. Подошла к входной двери, дотронулась и произнесла стандарт.

Контур проявился мгновенно – бегущие по стенам, полу, потолку рубиновые линии, между которыми натягивалась алая пленка. Защита от проникновения, нападения, порчи. Начинался он над дверью, где, сколько я себя помнила, торчала деревянная, красиво вырезанная львиная голова с распахнутой пастью. Лев держал в зубах камень – можно было ставить практически любой, главное, чтобы прочный. Когда я еще ездила в гости к тетушке, та пару раз показывала мне обновление контура, и мы вместе выбирали, что сунуть в зубы льву. Сейчас он вцепился клыками в здоровенный корунд, имевший форму сердца, – похоже, что это был рубин не самого высокого качества, зато прочность у него отменная. Я постучала по камню ногтем и услышала отклик. С виду корунд походил на стекляшку, однако я умела отличать настоящие камни от подделок. Этот еще в хорошем состоянии и продержится минимум год, а потом нужно будет менять. Вот и славно, и тетин завет исполню: в предметах контура ничего не изменится. Над корундом висело сложное облако формул, в которые я не стала вникать: это работа другого мастера.

Следуя по линиям, я обошла дом, отмечая узлы соединений защиты и предметы, к которым заклинания были привязаны. Их оказалось пятнадцать. Небольшое настенное зеркало с потрескавшейся амальгамой, тетин портрет, алебастровая статуэтка, хромоногая тумбочка... Пожалуй, некоторые придется заменить, но не сейчас. Обустраююсь, закончу дела, которые, в числе прочего, привели меня сюда, и уж после... И прибраться, кстати, тоже не помешает. Талант к творческому бардаку мы с тетей явно делили на двоих.

Не успела я приступить к распаковке сундуков, как явился мастер по защите, присланный милейшим мистером Стайлсом. Поцеловал мне ручку, огляделся, одобрительно поцокал языком при виде корунда и в два счета поставил на весь дом такую защиту, что уши аж загудели от магии. Остаточные заклинания я попросила оставить: хотелось вначале самой их изучить, вдруг отыщется нечто полезное. Я выпросила у мастера визитку, скидку на будущие услуги и пригласила заглядывать, как только магазин откроется. Амулеты от сглаза всем нужны, разве нет?

Нил, прятавшийся в кухне, прибрел обратно в торговый зал и недовольным тоном заявил:

– Я проголодался.

– Пойдем вместе купим еды? Или останешься здесь?

Обычно Нил предпочитал отлеживаться дома, хотя я очень любила с ним выходить. Во-первых, забавно, а во-вторых, прогулка идет на пользу. Мой кот непозволительно кругл.

– Это же центр города, тут повсюду рестораны. Может, пообедаем где-нибудь?

– Ого, – я покачала головой, – ты меня радуешь своим энтузиазмом! Боишься оставаться тут один, да?

– Ну... да, – вздохнул Нил. – Пока боюсь. Новое место.

– Гостиница тебя не расстроила.

– Там не так... жутко.

– А что здесь нагоняет на тебя жуть? – насторожилась я. – Ничего такого не чувствую.

– Не знаю. Есть какой-то отголосок... Может, он и не отсюда, а где-то рядом. Мастерская некроманта, старое кладбище, спиритический салон... Это словно тонкий комариный писк. Но я его слышу.

– Ладно, потом с этим разберемся. – Я достала из кармашка на переноске поводок и пристегнула к ошейнику Нила. – Пойдем, наведем шороху.

Пора обозначить свое присутствие здесь.

Я надела легкомысленную яркую шляпку с лиловыми цветами, покрутилась перед зеркалом, репетируя нужное выражение лица, и мы с Нилом вышли на Лавандовую улицу.

В середине дня тут было довольно оживленно. Я остановилась, оглядываясь: соседей нужно знать в лицо и вывеску. Кстати, как там моя собственная? Обернулась и задрала голову: покосилась, подправить бы... На широкой табличке, выкрашенной ярко-синей краской, трепетали белые буквы: «Лазурит». И ниже, шрифтом помельче: «Магазин волшебных украшений».

Прямо напротив располагалась булочная, которой я не помнила; раньше тут был магазин шляп. Но теперь он, похоже, куда-то переехал, и передо мной сияли витрины, где высились горки пирожных, торт показывал клубничный бок и стояла розовая фигура прекрасной дамы в метр высотой. Подойдя ближе, я поняла, что дама выполнена из мастики и зефира, а тончайший кружевной зонтик создан из марципана. Выражение лица у сладкой леди было самое что ни на есть зверское.

Булочная называлась «Доброе утро».

– Ты не влезешь ни в одно платье, – заявил Нил, ухмыляясь. – Особенно если станешь постоянной посетительницей.

– Влезу, из принципа, – прошипела я.

Справа от моего «Лазурита» по-прежнему находился салон дамского платья «Шикарная леди», а слева – новый магазин детских игрушек «Эльф». Под вывеской у них висел плакат «Мы открылись!». Зачарованные буквы уже слегка поблекли, но до сих пор переливались всеми цветами радуги.

Решив знакомиться с соседями завтра, я направилась в конец улицы, в противоположную сторону от Ратушной площади. Там когда-то стоял приличный трактир, где мы с тетушкой частенько обедали. Нил важно вышагивал рядом со мной, притягивая удивленные и восхищенные взгляды. Я помахивала сумочкой и безмятежно улыбалась.

«Сытая утка» оказалась цела и невредима. Я помнила, что у них есть внутренний дворик, только вот было еще слишком прохладно, и пришлось устроиться внутри. Я позволила Нилу выбрать стол, уселась вместе с котом на бархатный диван и дождалась официантку. Та смотрела на нас во все глаза.

– Эм... Я не уверена, что к нам можно с животными.

– Мой кот очень воспитанный, – заверила я ее, – дрессированный. Вот, смотрите. Нил, хочешь кушать?

– Мяу, – мрачно сказал Нил. Он ненавидел, когда я так делала.

– Хорошо, – сдалась девушка, – но если он что-то испортит, вам придется заплатить.

– О, милая, – удивилась я, – неужели похоже, что мне нечем платить?

– Я не то имела в виду, – девушка покраснела, и я решила на нее не давить.

– Все в порядке, я понимаю. Что вы порекомендуете?

– Утку в брусничном соусе, зеленый салат, грибы в сливках, форель под розмарином...

Я взяла утку, а для Нила пообещали принести кусок вареной курицы. Кот развалился на диване и лениво щурился; солнце падало в окно большим сладким ломтем, и Нил сунул туда лапы.

– Сейчас ты слышишь этот тревожный писк? – спросила я. Нил подумал.

– Нет.

Я помнила, что в «Сытой утке» очень вкусно готовили, и – вот приятная новость! – за прошедшие годы мастерство повара только возросло. Я с наслаждением ела нежное, приправленное кисловатым соусом мясо, а Нил деликатно пожирал курицу. На десерт официантка предложила мороженое со взбитыми сливками, и когда я увидела этот шедевр (три шарика – фисташковый, лимонный и мятный), то чуть не застонала.

– Для вас по-прежнему готовит мастер Шварц? – поинтересовалась я, задержав официантку. Она кивнула.

– Да, он на кухне. Вы хотите позвать его? Бывали у нас раньше?

– Бывала, но не стану отвлекать шефа от работы. Просто передайте благодарность от племянницы Розалинды Галбрейт. Пожалуй, – я широко улыбнулась, – я стану вашей постоянной клиенткой.

– О, хорошо, мисс?..

– Смит.

– Добро пожаловать в «Сытую утку», мисс Смит, снова. – Официантка улыбалась, на ее щеках появились милые ямочки. – Я Лесли. Буду счастлива обслуживать вас.

– Взаимно. Заглядывайте к нам в «Лазурит», как только мы откроемся.

Ее глаза вспыхнули.

– Вы снова откроете магазин украшений? Боги, это хорошо! Другая лавка артефактов далеко, а нам постоянно что-то требуется, и посетители часто спрашивают... Мы так горевали, когда магазин перестал работать. Скоро открытие?

– Думаю, примерно через неделю. Я только-только вступила в наследство, и мне требуется время, чтобы разобраться. Обещаю заглянуть к вам на обед и предупредить, когда откроюсь.

– Спасибо! Хозяин будет рад это услышать. Он дружил с леди Галбрейт. Ее тут все любили... – Лесли вздохнула. – Мои соболезнования, миледи.

– Благодарю вас, Лесли.

Что ж, все идет по плану. Самый крупный на улице трактир – место, откуда сплетни распространяются мгновенно. Через полдня все окрестности будут знать, что «Лазурит» планируют открыть вновь, а мне только этого и нужно.

– Людвиг здесь, – проговорил Нил, когда официантка отошла от нашего столика. – Тихо, не верти головой! Вон там, у стены.

Я осторожно покосилась вправо. Людвиг сидел за дальним столом, полускрытый миниатюрной пальмой, выживавшей в горшке только за счет магии, и делал вид, будто поглощен изучением меню. Почувствовав мой взгляд, поднял глаза и еле заметно подмигнул. Я отвернулась.

Не будем терять времени.

Глава 4

К пяти часам явились доставщики из банка. Два сурового вида молодых мага сопровождали грузовой кэб, который, втиснувшись на улицу, парализовал движение. Люди, ругаясь, протискивались мимо него, еще один кэб, обычный, застрял на въезде с Ратушной. Через некоторое время кэбмен плюнул и принялся выводить экипаж с улицы задом, лошади послушно пятились; я надеялась, что установленная сегодня мастером защита спасет меня от цветистых проклятий.

Мне пришлось подписать очередную пачку бумаг, и маги перепроверили все мои разрешения и завещание, прежде чем дали сигнал о разгрузке. Крепкие ребята в униформе банковских работников в два счета перетаскали бесчисленное количество ящиков внутрь магазина, отчего торговый зал стал напоминать склад. Я прикидывала, сколько времени у меня уйдет на распаковку, и все отчетливее осознавала: без помощников не обойтись. Отправляясь в Райстон, я наивно надеялась разобраться сама. Пожалуй, мне срочно нужно заглянуть в тетушкины бумаги. Просить Людвига о помощи не стану: не его это уровень и дело.

Проверив, что все на месте, я попрощалась с ребятами из Континентального и заперла дверь, оставшись наедине с горой, просто горищей работы. Грузовик неторопливо погромел прочь, наконец освободив Лавандовую улицу от своего присутствия. К облегчению всех окружающих, полагаю.

Я стояла, опустив руки, и оглядывалась. Ящики были тщательно промаркированы («Стеклянные полки», «Стенды для камней», «Аметисты, агаты»), и, в общем-то, можно было начинать, однако мой мозг пасовал перед таким объемом действий. Требовался план. Я уже делала наброски в блокноте, только вот следовало внести в них правки после столкновения с реальностью.

– Пора заводить знакомства, оттягивать не получится, – сказала я Нилу, который устроился на верхнем ящике в одной из пирамид («Шнурки для кулонов, цепочки») и лежал, свесив длинный пушистый хвост. – Как думаешь – игрушки, платья или булочки?

– Зная тебя – конечно, последнее.

– Может, там и кофе есть, – размечталась я.

– Захвати мне булочку с корицей, пожалуйста.

– Нил, ты – кот. Тебе вредно есть булочки с корицей.

– Ну... в честь приезда?

Я фыркнула и не стала ничего ему обещать.

Прихватив толстенную папку с надписью «Персонал», я с трудом записала ее в сумку, проверила, на месте ли кошелек, и отправилась покорять соседей.

Хотя на Райстон неумолимо наваливался вечер, в пекарне «Доброе утро» время, казалось, застыло; то ли окна были так зачарованы, то ли стекла специальные – внутри тебя словно окутывало золотистое рассветное тепло. И пахло, разумеется, корицей. Самый привлекательный запах для тех, кто обожает пирожные.

Ах да, и еще ваниль...

Это была скорее пекарня, чем кафе, однако тут имелось три столика, втиснутых в угол и накрытых клетчатыми скатертями. На каждом столе притулился крохотный фонарик и ваза с фиалками; на стенах висели цветочные горшки, откуда любопытствующе торчала розовая герань. Меня поразили прилавки: сделанный в форме полумесяца, без стекол, зато с защитной стенкой, невидимой для посетителей. Разглядеть пирожные во всей красе – пожалуйста, а вот просто схватить не получится.

Один столик был занят: за ним пил чай седой джентльмен, не обративший на меня ни малейшего внимания. За стойкой никого не наблюдалось, однако, стоило мне войти, а дверь

ному колокольчику звякнуть, из кухни выглянула молодая женщина. Она была чуть пухлее, чем диктует современная мода, и явно плевать на это хотела. Рыжие кудряшки были собраны в задорный пучок, откуда отдельные пряди торчали, как морковная ботва из грядки, серые глаза светились любопытством. У женщины был курносый нос и россыпь веснушек, словно кожу усеяли мелкие капельки кофе.

– Доброе утро! – радостно приветствовала меня незнакомка. Я рассмеялась.

– Дело идет к вечеру.

– О, все так говорят, но у нас тут вечно доброе утро. Что бы вы хотели? У нас все свежее. Рекомендую пирожные с малиновым кремом и мятой, а булочки с вишней я только что испекла. Еще горячие. Хотите?

– Хочу абсолютно все, – тяжело вздохнула я, – однако вначале желаю познакомиться. – Я протянула руку. – Меня зовут Марика Смит, я унаследовала магазин моей тети Розалинды, он прямо напротив вашего. Скоро снова откроемся.

– Вы новая владелица «Лазурита»? – изумилась женщина, пожимая мне руку. – Разве его не продали под винный магазин?

– Откуда такие слухи? – удивилась я.

– О, слухи разные. Винный магазин – самая популярная версия, а еще поговаривали, будто теперь там станут торговать чулками или вовсе устроят ночное питейное заведение... Прошу прощения! – спохватилась она. – Я Вивьен Гилл, владелица «Доброго утра». Очень рада, что слухи оказались неверными. Я видела, как приезжал банковский грузовик, но, думала, может, это коллекционное вино доставили... – Она всплеснула руками. – Где мое гостеприимство! Не хотите ли выпить чаю?

– А кофе у вас случайно нет? – осторожно поинтересовалась я.

В столице этот горький напиток только завоевывал популярность. Мне повезло: герцог Аддисон оказался большим любителем странных вкусов и привез в Аддисон-Холл несколько мешков отборных кофейных зерен. Из всех обитателей поместья кофе понравился только его супруге и мне, что объединило нас в маленький клуб гурманов-извращенцев. Я не рассчитывала, что отыщу почитателей этого напитка в Райстоне, но попробовать стоило.

– О-о, – Вивьен понизила голос, – значит, вы из... этих?

– Каких – этих?

– Тех, что знает толк. – Она открыла низкую дверцу сбоку от стойки и поманила меня внутрь. – Пойдемте. Не будем смущать посетителей.

Единственный седой посетитель в нашу сторону даже не глянул.

Кухня у Вивьен оказалась роскошная. Большая, с новым оборудованием и специальным столом, где можно регулировать температуру с помощью магии. Там стоял противень с булочками, которым не давали остыть. Я отметила, что защитный контур здесь довольно мощный, а еще смутно почувствовала несколько артефактов. Один точно был прикреплен к гигантской печи, рядом с которой сутилась полная женщина в цветной косынке и полосатом фартуке.

– Это Марша, моя помощница, – указала Вивьен и усадила меня за столик в углу. – Не будем ее отвлекать, она колдует над грушевым тартom. Итак, кофе? Какие зерна предпочитаете?

– Вансанские, естественно. У них лучшие скакуны, ковры и кофе.

– Соглашусь, пожалуй, – усмехнулась Вивьен, достала с полки банку, открыла и сунула мне под нос. – Буквально вчера купила на развес. Как знала, что вы заглянете.

– Боги... – Я втянула запах, и перед глазами сразу нарисовалась картинка: герцог ставит турку на специальный поднос, усыпанный песком, а герцогиня просит его быть внимательнее, чтобы не обжечься... и не упустить пенку, разумеется. – Это просто чудо. Я думала, тут почти не найти кофе.

– Мода, – пожала плечами Вивьен и, достав турку и чашки, приступила к приготовлению. Я положила подбородок на ладони, с удовольствием наблюдая, как женщина мелет зерна. – И Великий тракт. Думаю, его наличие влияет даже больше. Здесь бывают очень разные люди, особенно у нас, в центре; вансанцев тоже хватает, особенно их много в последнее время – из-за принца. Я сама, честно сказать, понимания у родных не нашла, когда начала готовить и пить кофе.

– Это вас не остановило.

– Только раззадорило, – фыркнула Вивьен. – К тому же, у моих родственничков есть масса интересов, которые не разделяю я. Все честно. – Она высыпала зерна в турку, добавила сахар, залила водой и поставила на песочный поднос. – Ну вот, пара минут, и будет готово. Что из выпечки вы желаете?

– Все, – честно сказала я, – только один мой друг утверждает, что я перестану проходить в дверь, если буду питаться исключительно тем, чем хочу. Поэтому давайте три штуки... чего угодно, на ваш выбор.

Вивьен внимательно посмотрела на меня, постукивая пальцем по нижней губе, и кивнула.

– Хорошо.

Она исчезла буквально на полминуты, а затем вернулась, неся тарелку с двумя пирожными и одной булочкой. На булочке пышной шапочкой лежал яично-желтый заварной крем, одно пирожное напоминало домик из шоколада, второе – слоеную радугу. Как раз подоспел кофе, и Вивьен разлила его по толстостенным чашкам, после чего уселась напротив. Марша продолжала хлопотать, не обращая на нас внимания.

– Пробуйте, – пригласила Вивьен, – и выясним, прав ли ваш друг.

Пирожные таяли во рту. Мне даже не понадобилось ничего говорить: хозяйка все поняла по моему лицу и широко заулыбалась.

– Буду рада видеть вас в «Добром утре» почаще.

– А я вас – в «Лазурите». Всегда готова по-соседски обновить артефакты.

– А какие вы делаете? – загорелась Вивьен. – Мне разное нужно.

– Скажу вам через неделю, когда разберу то, что тетя мне оставила. Понятия не имею, есть ли у меня нужные материалы. И кстати, об этом, – я сделала глоток кофе, чувствуя, как горечь растворяется и тянет за собой сладость. – Мне просто необходима помощь. Не знаете, где нанять толковых людей, которые помогут расставить стеллажи и перетащить ящики? Тетушка снабдила меня записями с контактами, но, честно говоря, я туда еще не заглядывала, и боюсь, мои поиски могут затянуться. А начать хотелось бы уже сегодня.

– Сегодня – вряд ли, – покачала головой Вивьен, – а вот завтра с утра я могу прислать к вам своего младшего брата и парочку его друзей. Парни – студенты и всегда рвутся где-нибудь подработать. Четверг у них – библиотечный день, но, конечно, ни в какую библиотеку они не ходят, а шатаются по городу и ищут приключений. Дайте им один даймл на троих, и они на целый день в вашем распоряжении.

– Одна серебрушка? – нахмурилась я. – Это маловато...

– Максимум две, иначе они вам на шею сядут. Так что, готовы их принять завтра в семь?

– Чем раньше, тем лучше. Я встаю еще до рассвета, и сейчас работы предстоит много.

– О, это мне знакомо.

Мы обменялись понимающими улыбками. Вивьен мне нравилась – ровно настолько, насколько может нравиться человек, когда ты практически никому не доверяешь. Особенно здесь, в Райстоне.

Звякнул колокольчик. Я думала, что Вивьен меня покинет, однако та попросила Маршу обслужить посетителей.

– Пирожные – пища богов, – сказала я. – Мой друг зрит в корень. Надо перешивать платья.

– При той работе, что вас ждет, не думаю, что пирожные станут проблемой.

– Да уж, побегать придется...

Мы пили кофе и болтали. Осторожно, старательно имитируя беспечность и поверхностный интерес, я осведомилась, какие новости в городе. Созналась, что купила местную газету, но притронуться к ней еще не успела. Вивьен задумалась.

– Да как сказать... Вроде все обычно. Весна идет, а значит, движения по тракту станут больше. Откроются перевалы высоко в горах, тамошние жители спустятся торговать. Еще не видели горцев?.. Ну, впечатлитесь. Летом много ярмарок; если ищете интересные вещицы для артефактов, советую заглянуть. Блошинный рынок работает каждую субботу и воскресенье.

– Я видела сегодня протестующих на площади.

– Там вечно кто-то ошивается, – махнула рукой Вивьен. – Конечно, налоги повысили, но... В Райстоне, если ты хочешь работать, то грех жаловаться. Здесь много возможностей. Много и соблазнов, и все же тут главное – понимать, чего ты желаешь. Вообще, этот город мне нравится, – созналась она. – Мы с семьей раньше жили в Эндлоге, это в пятидесяти милях к северу. Захолустный городок, из конца в конец можно доплунуть. Отец держал там харчевню, но, боги... Такая публика... И выручка – гроши. А потом умер его друг и завещал ему дом в Райстоне. Мы и переехали. Отец открыл пивную в западной части города, и дело хорошо пошло, да и народ там приличный. Подкопили денег, я получила заем у банка, и тут подвернулось это местечко на Лавандовой. Конечно, я взяла! Дорого, но уже почти все выплатила, народу много идет. Инспекции постоянно, городская полиция наведывается, однако оно того стоит.

– А магазин моей тети? Я не была здесь много лет, жила очень далеко. Поверенный говорит, у нее хорошо шли дела, но в последние месяцы она почти не открывала «Лазурит» для обычных посетителей. Вы давно здесь?

– Уже четыре года. – Вивьен помолчала. – И да, так оно и было. Сначала ваш магазин работал каждый день, а потом вдруг леди начала его прикрывать. Мы уж подумали, что у нее со здоровьем неладно, я ходила к ней, приносила выпечку. Но леди хорошо выглядела. Я спросила, почему не торгует, а она мне в ответ: «Ви, милая, у меня столько заказов от знатных персон, что мы едва успеваем с ними справляться, куда нам еще торговать!». Я так поняла, расширять дело она не желала, а создавать еще больше украшений и амулетов они с ювелиром не могли. Для вашей тети магазин был... ну, вроде как для души. Она не стремилась много заработать. Поэтому все и думали, что после ее кончины, да сохранят боги ее душу, дом уйдет с молотка и его купит кто-то предприимчивый. А появились вы. И я этому рада, – тепло улыбнулась она.

Слова Вивьен подтверждали то, что я уже слышала от Людвига. Тетя брала частные заказы – скорее всего, изготавливала артефакты для знатных персон, желавших остаться инкогнито. Обычная практика для мастеров-артефакторов, только вот...

Только вот печати.

Людвиг сказал, что в последние полгода жизни моя тетя не подала ни одного артефакта на освидетельствование и опечатание. И это странно. Даже то, что изготавливается для конкретных людей, желающих остаться неизвестными, настроено исключительно на них и никогда не сможет использоваться другими, – даже эти безумно дорогие и сложные артефакты должны получить печать, она же проба. Для того существует особая процедура, когда имя клиента зашифровано, и все же она есть, и она обязательна. Мы с Людвигом знали, какие именно артефакты и для кого делала тетюшка Розалинда ранее и почему магазин был закрыт практически все время. А вот полгода назад все изменилось, и мне предстояло узнать, почему.

Глава 5

Нилу я все-таки принесла булочку с корицей: этот длинный безумный день заслуживал того, чтобы достойно его завершить. Хотя для меня он еще далеко не закончился. Вивьен порекомендовала мне бакалейную лавку неподалеку, и я сходила туда, договорилась с владельцем о доставке продуктов и набила корзинку мукой, пряностями и любимыми моими сушеными абрикосами. Затем заглянула к мяснику, сосватавшему мне говяжью вырезку, и к зеленщику – владельцу роскошных прилавков, властелину укропа и яблок. Позже нужно будет нанять кухарку, однако сейчас я намеревалась готовить сама.

Дома, наскоро настроговав ужин и оставив его томиться на плите, я поднялась наверх. Тут все плакало по генеральной уборке, и у меня руки чесались начать ее прямо сейчас. Следовало разумно расходовать силы, поэтому я ограничилась тем, что вымыла ванну, пол в спальне и перестелила белье на кровати. У тетушки в шкафах хранились запасы простыней, наволочек и пододеяльников, переложенных веточками лаванды и парочкой амулетов от моли. Амулеты я выкинула – они окончательно выдохлись; судя по отсутствию дырок на белье, моль тоже выдохлась. К полуночи я ее хорошо понимала.

Наскоро поужинав и покормив Нила, тут же забравшегося на мою кровать и свернувшегося клубком, я взяла тарелку с сырами и курагой, купленную у бакалейщика бутылку вина, все это водрузила на маленький круглый столик и оттащила его в ванную. Набрала воды, зажгла свечи, капнула ароматическое масло из привезенных запасов и с наслаждением залезла в горячую воду. Трубы еле слышно гудели, потрескивал растопленный камин в спальне, от свечи с травами поднимался уютный летний запах. Я лежала, маленькими глотками пила вино, ела сыр и думала.

Впервые за долгое время я чувствовала себя в безопасности.

Казалось бы: в доме герцога Аддисона мне тоже ничто не угрожало, да и вне его я вряд ли была кому-то нужна. Обо мне давно забыли, некоторые приложили к этому особые усилия, как моя семья, например. Только тетушка Розалинда продолжала поддерживать со мной связь, а я, хоть и отвечала на ее письма, стыдилась приезжать сюда. Мне казалось, что стоит мне, с моим прошлым, оказаться в этом до боли знакомом магазине, и что-то внутри треснет и окончательно рассыплется. Аддисон-Холл стал для меня местом, где время застыло. Оно шло, конечно, и я становилась старше, и видела, как растут герцогские дети, однако внутри... Внутри меня словно остановились часы, и какой-то предприимчивый паучок заплел их паутиной. Несмотря на это, чувство мерзкой, зудящей тревоги было постоянным моим спутником. А здесь оно исчезло.

Я слушала дом. Нил сказал, что крыс тут нет, только несколько мышей в подвале; мы решили их не трогать. Дом покряхтывал, что-то бормотал себе под нос, устраивался вокруг меня, вспоминал. Он был еще далеко не стар и собирался прожить долгую интересную жизнь; я стану ее частью. А вот насколько большой – покажет лишь время.

Будильник я поставила на пять утра, чтобы успеть проснуться, одеться и выпить кофе до того, как явятся мои работники. Вчера я выпросила у Вивьен немного кофейных зерен, и хотя булочница звала меня заглядывать к ней с самого раннего утра, я решила не навязываться. Мельничку, поднос с подогревом и турку мне подарил герцог Аддисон на прощание; наливая в чашку первую утреннюю порцию кофе, я вспомнила его светлость добрым словом. Я стольким ему обязана, что жизни не хватит расплатиться. А он и не думал требовать с меня этот долг.

Я разгребла стол за торговой стойкой и уселась там с бумагами. Нил еще спал, в доме царил тишина, хотя на улице уже началось движение. Я обожала это время, которое принад-

лежало лишь мне; ранним утром, если ты проснулся и бодр, кажется, будто все возможно. Надеюсь, это чувство меня не обманывает...

Первым делом я открыла папку «Персонал», ту самую, что вчера взяла с собой в «Доброе утро», да так и не удосужилась достать. Надо возвращать жизнь в магазин, а в одиночку это сделать не получится. Я не из тех героинь, что будут все тащить на своих плечах; кое-что можно без зазрения совести переложить на чужие. Достоинство вознаградив, разумеется.

Первым делом мне требовалась небольшая армия уборщиц... ну ладно, хватит и двух, которых отметила тетушка. Надеюсь, они быстро приведут в порядок все помещения, прежде чем я начну расставлять по полкам товары. Которые, кстати, надо еще изготовить. Так как тетя занималась частными заказами, вполне возможно, в ее драгоценных коробках я обнаружу только пустые амулеты, которыми и паучка не отпугнуть.

Далее мне требовалось возвратиться на место – а именно за стойку ювелира – помощника, который работает с драгоценными металлами. Сама я на ювелира не училась, хотя у девушек с моим даром такая возможность и имелась. Артефакторика – своеобразное искусство: при должном умении мы можем соорудить амулет, как выражались мои невоспитанные однокурсники, «из навоза и палок». Такие вещички, будь они сколь угодно мощными, годятся лишь для определенных слоев населения. Состоятельные люди желают серебра, золота и бриллиантов, хотя последние в консервации магии очень и очень нехороши. Алмазы слишком самодовольны, чтобы долго держать в себе что-то, кроме своего блеска. После огранки становится немного лучше, если огранка верная. И вот тут мне требовался истинный виртуоз.

В тетушкиных бумагах значилось имя Зельды Ханниген. Я удивилась. Ювелирное дело – в основном, мужское искусство, существуют целые династии, где тайны передаются от отца к сыну. Женщины в этой профессии – явление редкое, даже среди артефакторов. Еще более любопытным оказался адрес, по которому следовало искать ювелира. Если меня не подводит память, район этот далек от благополучных; пожалуй, надо захватить кого-нибудь крепкого, прежде чем идти туда.

Кроме ювелира, мне на месте понадобится охранник и курьер, который сможет доставлять заказы. Тетя оставила на выбор несколько вариантов; что ж, эта задача кажется довольно простой.

Дальше шел длиннющий список поставщиков. Первым значилось имя Дейва Линдена, который держал магазин с полудрагоценными камнями, и вот к нему я собиралась навеститься в первую очередь. Уже давно я не перебирала камни, дабы сотворить из них что-то, и меня немножко потряхивало. Я не утратила свое искусство за годы отсутствия практики, ибо утратить его невозможно, только вот возвращение оказалось немного большее, чем я предполагала. Хотя я прекрасно знала, что в основе всего лежит дело, которое поручил мне Людвиг. А остальное... Это, наверное, временно.

В дверь постучали, когда я добралась до других торговцев камнями и пометок вроде: «У этого аметисты не бери – кислые!». Я взглянула на ходики, которые запустила еще вчера. И шести нет! Неужели мои помощники пожаловали так рано?

Увы, увы. Вместо нескольких веселых дюжих парней за дверью обнаружилась женщина лет пятидесяти. Высокая, с выправкой, как у военного, пронзительными черными глазами и гладкой прической. И что самое важное – одетая в серую форму ИМД.

«Вот и началось», – подумала я.

– Доброе утро. Чем могу быть полезна?

– Марика Смит? – женщина была выше меня и потому смотрела сверху вниз, хотя у меня создалось впечатление, что она в любом случае на меня бы так смотрела. – Инспекция по магическим делам, Лора Финч. Позволите войти?

Я распахнула дверь. Женщина вплыла внутрь, прошествовала к торговой стойке и водрузила на нее портфель. Сыто щелкнули пряжки, на свет появилась кипа бумаг. Все на меня, полагаю. Надо же, какая я важная персона...

– Хотите кофе?

– Нет, благодарю.

– Чаю?

– Давайте к делу, мисс Смит.

– Хорошо, – я пожала плечами и полезла в сейф: знала уже, что от меня требуется.

То, что инспектор заявила так рано, ничуть меня не удивило. В ИМД обожают огоршить внезапными проверками в неурочное время, чтобы ты, поднятая из теплой постели, сонная и растрепанная, хуже соображала и выдавала все свои страшные противозаконные тайны. Ну-ну, посмотрим. Я нашла папку с необходимыми документами и протянула ее инспектору Финч.

– Пожалуйста.

– Вы подали прошение на открытие магазина леди Розалинды Галбрейт, – начала Финч, листая мои бумажки с печатями, – вернее, теперь вашего, так как вы вступили в права наследования. Кое-что заинтересовало Инспекцию, и вы, наверное, догадываетесь, что именно.

– Наверное, – я похлопала ресницами. Инспектор с подозрением покосилась на меня, видимо, решая – слабоумная я или издеваюсь над нею.

– Вот это, – она безошибочно выудила из кипы мою самую любимую бумагу, аж с двумя гербами и десятком размашистых подписей, уже впечатлившую Хораса Шакли. – Это спецразрешение на магическую работу.

– Определенно оно, – любезно согласилась я.

– Зачем вам спецразрешение, мисс Смит?

– О, – удивилась я, – но мне казалось, что Инспекция должна знать?

– Мы начали проверку, когда получили из ратуши сообщение о полученном вами позволении от города заниматься торговлей. И наткнулись на препятствие. Вы понимаете, какое?

– «Информация по особому запросу вышестоящих лиц», – процитировала я.

– Вот именно. – Инспектор Финч поджала губы. Они у нее были бледные и тонкие, как незагорелые дождевые червяки. – Нам пришел ответ, что ваша лицензия артефактора была приостановлена на неопределенное время по причинам, которые не разглашаются, а теперь королевская канцелярия выдала вам разрешение на работу сроком на год, с возможностью продления.

– Так и есть, – вздохнула я.

– Это все, что вы можете мне сказать? – Финч положила спецразрешение на стол и скрестила руки на груди. – Вы собираетесь работать в моем городе. Я дружила с вашей тетей и хотела бы чувствовать уверенность, что вы не создадите артефакт, который провалит Райстон прямиком в бездну. За что вас лишили лицензии?

Я посмотрела на нее пристально и заметила то, на что раньше внимания не обратила: серьги. Крохотные шарики варисцита, покачивающиеся в ушах инспектора Финч, имели знакомый отголосок магии и любопытный входной стандарт. Работа тети, без сомнения.

– Боюсь, я не вправе разглашать подробности, – мягко произнесла я. – У меня присяга. Но, поверьте, ничего такого, что могло бы угрожать городу и людям, которые здесь живут. Я квалифицированный артефактор, и я...

– Кстати, о квалификации, – перебила меня инспектор. – Указано, что у вас есть диплом Канденского магического университета, однако вы не значитесь в списках выпускников.

– Я училась и сдавала экзамены заочно, и мое имя не указано в списках, это правда. По... по личной просьбе вышестоящих.

– И эти вышестоящие?..

– Герцог Аддисон, – вздохнула я. – Видите ли, моя семья была против моего обучения на артефактора и отреклась от меня. Позже их... не стало в моей жизни. Я сирота. Герцог из-за одного морального долга принял меня к себе на службу и поспособствовал тому, чтобы я обучалась частным образом.

– Частным образом? – повторила инспектор Финч, и уголки ее губ чуть дрогнули.

Я догадывалась, о чем она думает, хотя женщина вела себя очень сдержанно. Частное обучение и лицензия в итоге – обычное дело, когда речь идет о прихоти родственницы или... любовницы. Я не являлась родственницей герцога Аддисона. Но я была достаточно хорошенькой, чтобы создать определенное впечатление. Пришлось еле заметно улыбнуться и опустить взгляд; надеюсь, подтекст был считан. А если Финч копнет глубже, то узнает, что герцогиня Люсинда Аддисон – тоже рыжеволосая красотка, и сделает выводы о пристрастиях его светлости.

«Я спала с ним, а он осыпал меня благами. Думай так».

– То есть вы вначале выучились, потом натворили нечто, из-за чего вам приостановили лицензию, а теперь ее возобновили? И вы полагаете, будто нас не должно беспокоить, что в городе появился подобный... специалист? – последнее слово она уронила, будто случайно схваченную мерзкую жабу.

– Я хороший артефактор. Иначе мне не вернули бы лицензию.

– Ваша тетушка почти не рассказывала мне о вас. Пару раз упоминала, что у нее есть племянница, но о ваших способностях – ни слова.

– Мы мало общались. Я была... занята.

– Похоже на то. – Инспектор отвернулась и принялась перебирать бумаги дальше. Спецразрешение так и лежало отдельно.

Я знала, что она ничего не сможет со мной поделать. У меня была печать королевской канцелярии и особые рекомендации – против этого не попрешь. Она может хоть каждый день в пять утра стоять на моем пороге, однако ИМД придется разрешить мне работать. Во всяком случае, какое-то время.

– Какую деятельность вы намерены вести в магазине? – наконец, поинтересовалась Финч.

– О, я уже рассказала бургомистру Шакли, что больше люблю делать обычные украшения, а артефакты – это, скорее, дополнение. Ничего выше третьего уровня здесь продаваться не будет... а если мне закажут нечто особенное, я попрошу разрешение. И, разумеется, печати будут ставиться даже на мелкие амулеты. Я хочу следовать правилам, инспектор Финч.

– Все это звучит слишком сладко, мисс Смит.

– Ну, хорошо, – я скрестила руки на груди и хмыкнула. – Тогда скажу начистоту. Я умею делать артефакты, это правда. Тетя и преподаватели из Канденского подозревали во мне большой талант, хотя я сама никогда не считала, будто смогу сотворить нечто выдающееся. И я не молодею. У меня нет больших накоплений. Этот магазин – мой шанс себя обеспечить на всю оставшуюся жизнь. Если дела пойдут хорошо и мне удастся наладить здесь работу, я найму другого артефактора, а сама выйду замуж и буду вести жизнь респектабельной леди. Это мой план. Магазин нужен мне, особенно... – я сглотнула и отвела глаза, раздумывая, пустить слезу или это будет слишком, – особенно сейчас, когда в моей жизни нет никакой опоры. И даже единственная родственница, которая поддерживала со мной связь, умерла.

Лора Финч разглядывала меня с интересом энтомолога, который пытается понять: эта бабочка – новый вид и пора насадить ее на булавку, или же пусть летит. Я надеялась, что инспектор уловила весь мерзкий смысл моей жалостливой истории. «Дамочке дали отставку, откупившись спецразрешением». Эх, ваша светлость, простите меня...

Хотя именно его светлость как раз в курсе.

– Даже забавно, – сказала инспектор Финч и дотронулась до сережки, – что у леди Галбрейт, имевшей безупречную репутацию, столь своеобразная племянница. Это объясняет,

почему она почти не говорила о вас. Впрочем, меня интересует исключительно ваша лояльность и законопослушность, мисс Смит.

– Я очень лояльная, – заверила я, – и законопослушная.

Не думаю, что инспектор мне поверила, однако оснований чинить мне препятствия больше не оставалось. Конечно, ИМД имела определенные полномочия, и все же инспекторов тоже жестко контролировали. Его величество выступал за экономическое процветание и поддержку малых предприятий, и если уж отказывать в ведении дел, то лучше приложить к отказу пачку аргументов «против». А перед Финч лежала моя папка «за»...

– Что ж, – сказала инспектор и расписалась-таки на нужном документе, – добро пожаловать в Райстон, мисс Смит. Надеюсь, после того, как вы закончите здесь торговать украшениями, от города что-то останется.

– «Лазурит» точно устоит, – задумчиво сказала я. – В нем хорошая защита.

– Не провоцируйте меня, мисс Смит. Запомните: одна ошибка – предупреждение и штраф. Вторая – и я вас закрою. До следующей встречи. Очень скорой.

Мы вежливо попрощались, инспектор плавным шагом покинула магазин, а я закрыла за ней дверь и села на ближайший стул.

– Скорая встреча – это когда? – спросила я у потолка. – Сегодня после завтрака? Она ко мне будет каждый день ходить?

– Учитывая обстоятельства смерти твоей тетушки, может, и будет, – сказал Нил. Он сидел на лестнице, свесив на пару ступенек вниз пушистый хвост. – Она мне не понравилась, эта инспектор Финч. Есть в ней нечто... мертвое.

– Некромант, что ли? – заинтересовалась я.

– Ну уж точно не практикующий, или даже получивший образование. – Кот задумался. – Оттенок смерти... Возможно, она перенесла большую утрату, и это выжгло часть ее души.

– А, ну конечно. Вот тут я и проникнусь к ней сочувствием.

– Ты не должна ей сочувствовать, Марика. Ты должна ее бояться.

– А разве я не боюсь?

– Нет, – хмыкнул Нил. Благодаря нашей связи он неплохо чувствовал мои эмоции.

В дверь постучали, и я подскочила на стуле. Неужели во мне открылся пророческий дар, и инспектор Финч вернулась? А ведь даже позавтракать не успели...

На пороге стоял дюжий парень, за ним еще два – сонные, взлохмаченные, милые.

– Доброго утра, миледи, – поклонился первый. – Меня зовут Джо, а это Бен и Калев. Мы от Вивьен, она сказала, что вам нужна помощь...

– Да, – с облегчением вздохнула я. – Конечно, заходите. Кто-нибудь хочет чаю?

Глава 6

Парни трудились все утро, расставляя коробки и ящики так, как я просила. Некоторые мы вскрыли сразу же, чтобы потом мне было меньше возни, а некоторые я покамест оставила запечатанными. Если там то, что написано, оно подождет.

К полудню мы с моими новыми помощниками расстались, очень довольные друг другом. Ребята получили две серебряные монеты (подозреваю, они совсем скоро перекочат в карман трактирщика), а я – относительный порядок в торговом зале и кладовой. Нил прятался, пока шла перестановка, а после ухода работников вылез и начал ныть. Бедный котик умирал голодной смертью.

– У тебя очень круглые бока, – огрызнулась я, когда нытье мне надоело, – и лапы скоро не достанут до пола! Как насчет диеты?

– Какие страшные слова ты знаешь! – Нил завалился на бок и прикидывался мертвым. – Что ж... Тогда мне остается съесть подвальных мышей.

– Мы договорились их не трогать.

– Но теперь, когда я при последнем издыхании и не могу двигаться, только подвальная мышь сможет стать моим спасением...

– Разве что подойдет и запрыгнет тебе в рот. Ты ж ее не догонишь.

– Злая ты, Марика, – грустно сказал кот, поднялся и убрел в сторону кухни. Скоро оттуда послышался грохот кастрюль: Нил уничтожал остатки вчерашней готовки. Я слишком вымоталась, чтобы его гонять.

Снаряжать себя и кота для длительной прогулки мне не хотелось, и потому, крикнув Нилу, чтоб немного потерпел, я наскоро заперла магазин и направилась к Ратушной площади. Там я еще вчера заприметила небольшое кафе с сэндвичами, пирожками и прочей едой навынос; мне не хотелось обижать Вивьен, однако набивать голодный желудок сладким – так себе идея.

В «Лазурит» я вернулась через полчаса с объемным пакетом, призвала Нила съесть колбаски и, убедившись, что кот накормлен, сама приступила к еде. Жуя сэндвич с ветчиной и корнишонами, я просматривала список поставщиков и думала о том, кто из них мне нужен немедленно, а кто еще немного подождет.

По всему выходило, что следует побеседовать с мастером камней – Дейвом Линденом, а также разыскать ювелира. Минералов в открытых ящиках оказалось немало, однако я прекрасно представляла, какие объемы товара могут продаваться в этом магазине. Бухгалтерские книги тому свидетели, дела у тетушки шли хорошо. И учитывая интерес местных жителей к бытовым амулетам, а знатных дам – к украшениям, пусть и без примеси магии, мне нужно сделать запасы.

Этот факт меня обрадовал. Я обожала камни, могла часами в них рыться, чуть ли не на зуб пробовала. В последнее время мне нечасто удавалось запустить руки в каменные закрома; разве что, когда мы с детьми герцога Аддисона выезжали на прогулку в ближайший городок, я позволяла себе на несколько минут заглянуть в заветную лавку. Впрочем, выбор там был невелик, да и не покупала я ничего особенного, чтобы не привлекать к себе внимания: тогда мне еще не вернули разрешение работать артефактором.

Я поймала себя на том, что немного трушу перед встречей с поставщиком. Визит к нему означал, что я берусь за дело всерьез (а вот подписанные бумаги, перестановки и визит инспектора были не всерьез, ага), и мне предстоит выполнить то, на что я подписалась. Вполне объяснимый страх, учитывая истинное тетушкино наследство. Однако это мой шанс если не оправдаться перед самой собой за все, что я раньше натворила, то хотя бы послужить на благо общества. Вполне себе достойная цель. Ну, а дойду ли я до нее, покажет время.

По дороге к магазину Дейва Линдена я воображала, каким должен оказаться мастер камней. Наверняка ему лет пятьдесят, примерно как тетушке было – не зря же она прониклась к нему таким уважением и настоятельно мне рекомендовала. Тетя, насколько я помню, водила дружбу с уважаемыми членами общества – а это значит, все они были уже в возрасте. Вот войду я в лавку, увижу благообразного старичка с седой бородой клинышком, и сразу мне станет так хорошо, как будто я пришла сдавать зачет по минералам профессору Тейнеру...

Идти оказалось довольно далеко, однако я предпочла не брать кэб; мне интересно было посмотреть на Райстон и прикинуть, насколько сильно он изменился за те годы, что я тут не появлялась. Как и многие торговые города, этот постоянно менял обличье: исчезали одни дома, возводились другие, лезли к солнцу, как ростки, ажурные башенки, что вошли в моду. Вместо нескольких переулков обнаружилась широкая улица, забитая тавернами под завязку, а на башне с часами я увидела новую фигуру – мальчика с воздушным змеем...

Детали, запахи и звуки кружили мне голову. Я сама не заметила, как стала шагать энергичнее, словно больше не нужно осторожничать и мне ничто не угрожало. Моя новая свобода пахла разогретыми камнями мостовой, жареным мясом и специями. Мимо промчалась стайка детей с корзинками, полными голубых первоцветов, и исчезла в направлении рынка. На рынок тоже нужно будет заглянуть, но попозже.

Правда, все время я не могла отделаться от ощущения, что за мною следят. Необъяснимое чувство, будто кто-то буравит взглядом мою спину. Я даже осматривалась пару раз, думая, что, может быть, Людвиг меня страхует, однако его не заметила. И вообще никто подозрительный мне на глаза не попался – а зудящее чувство не исчезло, поди ж ты...

Магазин камней «Ларец» стоял на углу двух оживленных улиц и был, судя по всему, весьма популярен. Я остановилась у крыльца, пропуская выходящих людей: полного мужчину в ярком шейном платке и стайку девушек, нежных, как безе. Колокольчик приветственно звякнул, когда я открыла дверь и нырнула в прохладную полутьму.

Дела у Дейва Линдена шли хорошо – это было заметно по дороговому оформлению витрин, подсвеченных магическими кристаллами, сочной бархатной обивке ящиков и шелковым обоям. «Ларец» походил, скорее, на салон знатной дамы или гостиную в аристократическом доме, чем на магазин; оставалось лишь порадоваться тому, что тетя имела дело со столь аккуратным поставщиком, обладающим чувством стиля.

– Добрый день! Чем могу вам помочь?

Ко мне незаметно подкралась девушка в темном платье с воротником-стойкой; светлые волосы убраны в аккуратный пучок, закрепленный заколкой с горным хрусталем, на полных губах вежливая улыбка... На Дейва Линдена эта особа никак не тянула, и я решила для начала прикинуться обычной покупательницей.

– Добрый день! Меня интересуют агаты.

– Из Китона или Лавайи? – осведомилась продавщица. – Для амулетов или обычные?

– Предположим, для амулетов.

– Тогда китонские, новый завоз. Возможно, вы заинтересуетесь. – Она поманила меня за собой к витрине у дальней стены. – Вот, прошу. Здесь и здесь – с мандариновым оттенком, слышали о них? Два года назад открыли новую жилу. Хорошо подходят для кулонов, а вот в кольца ставить не рекомендуется, своенравны. А здесь – васильковые. Это старая разработка, была популярна лет десять назад. Мода проходит, но камни-то хорошие, – девушка усмехнулась.

– Верно, – протянула я. – А что насчет морозных? Я слышала, их добыча почти прекращена.

– О, их мало! – искренне огорчилась продавщица. – Графы что-то не поделили на своей границе, а жила простаивает. Надеемся, они скоро разберутся, и морозные агаты снова у нас появятся. Есть немного, однако цена...

Я улыбнулась и кивнула.

Даже не запуская пальцы в камни, я видела, что они хороши. Они идеально подходили мне: еще не притронувшись, я знала, какие именно вещи могу из них сотворить, а что оставляет простор для творчества ювелиру. Пожалуй, «Ларцу» действительно можно доверять.

– Высший класс. Меня зовут Марика Смит, я новая владелица магазина «Лазурит». Моя тетя сотрудничала с вами и весьма рекомендовала мне мистера Линдена.

– О! – глаза девушки загорелись. – Так что же вы сразу не сказали? Для вас совсем другие цены! Мы несколько лет поставляли камни леди Галбрейт и были так огорчены, когда она скончалась... Примите мои соболезнования, миледи!

– Благодарю. Могу ли я встретиться с владельцем?

– К счастью, он сегодня на месте, – кивнула девушка. – Только вчера возвратился из поездки в Треймон и выгнал меня, чтобы я не мешала сортировать новые камни.

Продавщица – ее, как выяснилось, звали Кейт – провела меня за кулисы салона. Здесь все было по-другому: никакого бархата и таинственного мерцания, но мне понравилось даже больше. Люблю аккуратных людей, а Дейв Линден определенно аккуратен. Полки склада уходили вдаль, с потолка лился яркий свет, камни сверкали боками сквозь окошечки в ящиках. Между рядами полок обнаружился стол, где и восседал мастер.

«Ничего я не знала о том, с кем тетя водила знакомство», – подумала я, разглядывая Дейва Линдена.

Ему было, наверное, лет тридцать пять или около того; волосы темные, курчавые, небрежно собранные в хвост, а глаза – как обожаемый мною кофе с пенкой. Когда Линден поднялся нам навстречу, я обнаружила, что он довольно высок: моя макушка достанет ему примерно до подбородка. Черты лица тонкие, словно по линейке проведенные, и контрастом – густые широкие брови. Одет во что-то серое, немаркое, а галстучная булавка – с глубоким зеленым флюоритом. Когда мы с Кейт вошли, Линден разглядывал россыпь камней под лампой.

– Дейв, – запросто обратилась к начальнику продавщица, – к нам заглянула леди Смит, она племянница леди Галбрейт.

– Мое почтение, миледи. Дейв Линден, – он коротко поклонился мне, я ответила легким наклоном головы.

– Марика Смит.

– Кейт, можешь идти. Прошу вас, – он поманил меня, – подойдите и скажите, что вы об этом думаете.

Я приблизилась и склонилась над столом. Камни, которые рассматривал Линден, оказались с сюрпризом: я с первого взгляда не смогла определить, что передо мной. И лишь потянувшись магией, ощутила знакомый отблеск. Гранат? Нет, не может быть, он не такой. А потом вспомнилась одна лекция... Надо же, я на самом деле хорошо училась.

– Родолит? – рискнула предположить я и посмотрела на Линдена снизу вверх.

Мужчина заулыбался. Улыбка у него была кривоватая и очень располагающая.

– Верно. Как это вы определили? Почти никто не отгадывает.

– Только магически, если честно, – созналась я и отступила от стола. – Родолиты очень редкие, гораздо чаще встречаются кроваво-красные пиропы, а не розовые. Я, признаться, даже ни разу в руках их не держала, только видела в университетском музее. Как вы их раздобыли?

– Треймон славится гранатовыми жилами, – объяснил Линден, – и я езжу за этими камнями именно туда. На сей раз шахтеры меня порадовали. Розовые родолиты, оранжево-красные пиропы и, видите вот, гранаты попроще. Но родолиты уникальные. Хотите притронуться?

– Если вы позволите.

Камни своенравны. Это одна из вещей, за которые я их очень люблю: природные минералы откликаются, говорят с тобой, если ты настроен их услышать. Но чем дольше ты держишь в руках тот или иной камень, тем сильнее вы с ним влияете друг на друга. И если человек – существо пластичное, которое от влияния незачарованного минерала достаточно быстро отрывается, то с камнями сложнее. Какие-то из них впитывают ауру сразу, автоматически настраиваясь под того, кто их взял; какие-то долго не соглашаются с тобой сотрудничать, да и потом постоянно пытаются сбросить тебя, словно норовистый скакун. Потому-то украшения и настраиваются мастерами под владельцев с помощью оправы, служащей одновременно защитой для камня, человека и окружающих. Оправа не дает минералу сотрудничать с кем-то, кроме хозяина, не позволяет чужому человеку подчинить себе украшение, и камень чувствует себя прекрасно. Это сложное, невероятное и тончайшее искусство, любимое мною больше всего на свете.

– Конечно, – произнес Линден. – Я уже слегка экранировал их, чтобы можно было предлагать ювелирам. Так что берите смело.

Я осторожно взяла в ладонь самый крупный родолит; он сначала недоверчиво помолчал, а потом откликнулся и начал меня очаровывать. Вот так вот, с ходу.

– Вы пришли к нему по душе, – засмеялся Линден, – хотя, конечно, спорить о душах камней можно долго. Но я даже отсюда вижу, как он к вам тянется.

– Камень очарования, – я взяла родолит двумя пальцами и посмотрела на свет. Минерал был еще неочищенный, в осколках грубой породы, оскорбленно молчавшей на фоне рубиновых заигрываний, и все же можно было различить яркую искру в глубине. – Какая чистота! И сила. Выйдет прекрасный амулет на привлекательность.

– Хотите? Раз уж они вам открылись, дело чести – предложить их именно вам.

Я с сожалением положила родолит обратно на стол, в кучу остальных камней; они тут же хором начали подавать мне сигналы, что и их неплохо бы к рукам приспособить. Разговорчивые... Я представила формулы, которые можно на них поставить, и аж руки зачесались. Но необходимо играть честно.

– Пока не уверена, увы. Такие камни требуют ювелирной огранки, а я лишь начала разбирать тетушкино наследство и ювелиром еще не обзавелась.

– Так вам нужно поговорить с Зельдой, – просто сказал Линден, – она будет рада вернуться. После того, как леди Галбрейт не стало, Зельда места себе не находит.

– О! Тетя упоминала ее в своих записях. Значит, она хороший ювелир?

– Я бы сказал, лучший в Райстоне. И недооцененный, потому что... – Он поскреб пальцем темную щетину на подбородке. Что-то показалось мне неправильным в этом жесте, однако чувство тут же исчезло. – Впрочем, сами с ней встретитесь и сделаете выводы. Так вы пришли за камнями? Или познакомиться? В любом случае, – спохватился Линден, – я категорически негостеприимен! Позвольте предложить вам чаю.

Несмотря на мое возражение, что ничего такого не нужно и мне вполне нравится компания родолитов, Дейв сгреб недовольные камни в ящичек, промаркировал, поставил на полку и затем пригласил меня следовать за ним. Мы прошли вдоль всего склада; в конце его за железной дверью оказалась просторная комната, совмещенная с кухней. У окна стояло заваленное бумагами бюро, примостились вокруг деревянного стола разномастные кресла; я выбрала мягкое, с высокой бархатной спинкой, розовый оттенок которой напомнил мне мягкое прикосновение родолита. Столешница, инкрустированная разноцветным перламутром, показала мне сценку из жизни тропических птиц: одна пристроилась на ветке цветущего дерева, а вторая, натурально, обедает бабочкой. На несчастную бабочку, навеки застывшую в миллиметре от гибели, Линден поставил чашку для меня. Он быстро и ловко сервировал стол, и словно по

волшебству, появилась и корзинка с песочным печеньем, и блюдо с леденцами, и сахарница в виде слона.

– Извините, что у нас тут все так... разнообразно, миледи, – сказал Линден, наливая мне рубиново-красный чай. – Это моя рабочая комната, я тут даже остаюсь ночевать иногда, – он кивнул на покрытый пледом диванчик. Диван был явно короче Линдена, что многое мне сказало о любви поставщика камней к своей работе. – Обычно переговоры я веду на складе, однако с вашей тетей у нас были особенные дела. Я очень тепло относился к леди Галбрейт. И для меня стало настоящим потрясением, когда она умерла. Многие в Райстоне были... прямо скажем, удивлены. Возможно, вы прольете свет на произошедшее? Что с ней случилось?

Его взгляд на мгновение остро блеснул, и я, уже размякшая при виде хороших камней, инкрустации и пледа, ощутила холодок на спине.

«Никому не доверяй слепо, – говорил Людвиг. – Леди Галбрейт доверяла – и, похоже, это ее и подвело».

– Моя тетя не любила врачей, – неторопливо, постаравшись справиться с комком в горле, начала я и, взяв чашку, отпила глоток. Морион на шее молчал, а формулу против ядов я в нем точно видела – значит, опасности нет. – Она постоянно носила амулеты, закрывающие ее от остальных, и потому даже ее знакомые ничего не увидели. Полагаю, она сама осознала лишь в последние дни, что с ней происходит, и поняла, что обращаться к лекарям уже поздно. Предпочла уйти так, дома, а не на больничной койке.

– Вот оно что. – Линден слушал меня, подперев кулаком подбородок. Взгляд оставался цепким, словно коготь. – Все это довольно странно, если позволите заметить. Я поставлял камни вашей тете в течение пяти лет и успел неплохо узнать ее. В последние полгода... она стала немного другой. Более нервной, менее общительной. Вы полагаете, это влияние болезни?

Я пожалала плечами.

– Не знаю. Она ни слова мне не написала об этом, хотя мы регулярно обменивались посланиями. Я тоже заметила, что ее письма сделались немного другими. Я... беспокоилась за нее.

Я замолчала, ожидая закономерного вопроса, который мне задавали практически все, будто имели такое право. Почему это я, видите ли, не приезжала к тете? Почему допустила, чтобы она умерла в одиночестве, если так говорю о своей любви? Ведь она, согласно легенде, моя единственная родственница... Однако вопроса не последовало, а Линден перестал цепляться за меня взглядом и посмотрел задумчиво.

– Мы все беспокоились, – произнес он, – все, кому она была хоть сколько-то дорога. Но вы же знали ее: если она не желала чего-то говорить, то добиться от нее этого было решительно невозможно. Решительно! – он покачал головой, взял из корзиночки печенье и принялся выковыривать оттуда цукат. – Ну что ж, если так... Я сожалею о вашей потере, миледи.

– Благодарю. И постараюсь сделать все, чтобы память о тете не померкла.

– Значит, вы решили возродить «Лазурит», – сказал Линден, словно что-то внутри для себя решив. – Или нет? Леди Галбрейт как-то упомянула, что у вас есть диплом артефактора, но вы не работаете им.

Ого, подумала я. Вот так история. Этому человеку тетя явно доверяла чуть больше, чем прочим.

– Верно. И вы правы, я хочу, чтобы магазин снова заработал. Я долго не занималась артефактами, однако навык сохранила, и теперь у меня есть разрешение от города и ИМД на открытие «Лазурита». Кстати, вы знакомы с инспектором Финч? Она сегодня утром посетила меня и уверяла, что была чуть ли не лучшей тетиной подругой.

– Исключительно шапочно, видел ее пару раз в «Лазурите»; у меня в ИМД другой инспектор. Не знаю насчет лучшей подруги: ваша тетя вообще была не из болтливых, когда дело касалось обсуждения других персон. Вам... досадили?

И тут я поняла, что вызвало у меня сомнение в отношении Линдена там, на складе. Его простецкие жесты, разномастные чашки и диван-коротышка вводили в заблуждение, однако гладкая, округлая речь, сами фразы, что он произносил легко и непринужденно, его выдали. Такой эффект дает хорошее воспитание, и начинают его в детстве. Любопытно.

Сообразив, что пауза слишком затянулась, я покачала головой.

– Не то чтобы досадили... Пожалуй, я ожидала подобного отношения, появляясь на пороге тетиного магазина и руша планы виноторговцев касаясь перекупки удобного местечка. Меня здесь не знают и будут проверять. Жаль, что вы не знакомы с инспектором Финч, иначе я бы выведала у вас секреты. Например, какие пирожные она любит – с кремом или с фруктами? А может, и те, и другие...

– Подкуп должностного лица карается законом, надеюсь, вы в курсе? – приподнял брови Линден, и я засмеялась. – Ну что ж, миледи. Если вы тверды в своем намерении вновь открыть «Лазурит», расскажите, чем я могу быть вам полезен?

Глава 7

Мы проговорили с Линденом несколько часов. В какой-то момент он кликнул мальчишку-посыльного и отправил его в ближайший трактир за закусками, сказав, что не готов морить прекрасную даму голодом; я с удовольствием позволила за мной поухаживать. Конечно, я помнила наставления Людвига и герцога Аддисона и не собиралась слепо доверять новому знакомому, однако пока Дейв Линден вызывал у меня исключительно приятные чувства. Пожалуй, даже слишком приятные, отметила я про себя. Такое ощущение, что я встретила со старым другом – а ведь я была убеждена, что мы с Линденом не пересекались до сих пор. Может, на нем тоже есть артефакт с родолитом, вызывающий влечение? Но нет, не должен; галстучная булавка вне подозрений. Использование определенных амулетов для многих строжайше запрещено, а торговец и вовсе не имеет права на себя такое надевать. Если ИМД подобное обнаружит, ни о какой дальнейшей работе речи уже не будет. А будет как минимум лишение лицензии, конфискация имущества и штраф, как максимум – каторга.

– Я вас совсем утомил, – сказал Линден, видимо, отметив мою рассеянность. – Что ж, об основном мы договорились, камни вам доставят уже завтра. Поймать для вас кэб?

– О, нет, спасибо. – Я встала. – С удовольствием пройду пешком. Небольшая прогулка будет только на пользу.

– Я хотел бы вас проводить. Разрешите?

– Почту за честь.

Линден провел меня в зал и на некоторое время оставил в компании витрин и Кейт; я побродила, присматриваясь к мерцанию раухтопазов, глубокой лазури апатитов и завораживающим пейзажам яшмы. В «Ларце» было... пожалуй, спокойно, и я впервые за последние дни ощутила, как из меня уходит напряжение. Это все камни – здесь, не будучи запертыми в ящики, извлеченные из банковского хранилища, они не спали, готовые поговорить с теми, кто придет. Я видела, как Кейт обслуживает молодую пару, искавшую помогающий зачатию кристалл, и отчетливо ощущала, как во мне что-то пробуждается. Нечто давно забытое, засунутое на дальнюю полку и заросшее паутиной. Похожее чувство посещало меня в тетинном доме глубокой ночью, когда спала вся Лавандовая улица, и Нил, и даже подвальные мыши. Чувство узнавания.

Но кого, если я здесь впервые?..

– Я готов, миледи. Идем?

Линден сменил неприметный рабочий костюм на темно-зеленый сюртук, с которым теперь весело перекликалась флюоритовая булавка в галстучке, и светлые бриджи. Непокорные кудрявые волосы, впрочем, так и торчали в разные стороны: видать, Линден давно отчаялся с ними сладить и просто позволили им быть такими, какие есть.

День поворачивал к вечеру, и ритм города изменился: сделался более усталым и при том довольным, словно Нил, целый день бегавший по дому. Солнце клонилось к западу, от башенок тянулись ажурные тени. Дети гоняли по мостовой колесо на палке, стая воробьев бесстрашно паслась у лотка булочницы, подбирая крошки, из кафе на углу веяло шоколадной горечью, а из переулков – сыровой прохладой. Дейв предложил мне руку, и я с удовольствием прикасалась кончиками пальцев к добротной шерсти его сюртука. Это вдруг пробудило ненужное воспоминание: вот я, пятилетняя, бегу к отцу, забираюсь к нему на колени и цепляюсь за рукав. Отец сурово хмурит брови, ссаживает меня на пол и зовет няньку. Та прибегает, долго извиняется, что не уследила за мной, а у меня до вечера остается на ладонях бесстрастное прикосновение ткани...

Я покачала головой, отгоняя воспоминания. Все это уже давно не имеет никакого значения.

– Я вас сильно утомил, мисс? – поинтересовался Линден, видимо, по-своему истолковав мое молчание и странный жест. – Простите меня. Когда речь заходит о камнях, я становлюсь излишне словоохотлив.

– Вы можете рассказывать мне о камнях сколько угодно. Это и моя страсть тоже. Только я люблю добавлять к ним что-либо для лучшего звучания; даже необязательно вкладывать магию – и так хорошо будет.

– Ну, в каком-то смысле вы всегда вкладываете магию, – заметил Линден. – Пару веков назад Арчибалд Нери, малоизвестный артефактор и философ, написал трактат «О влиянии личности мастера на создаваемые им изделия». И там он, среди прочего, утверждал, что когда артефактор не стремится вложить в свое творение искру силы, а оставляет все как есть, в результате все равно присутствует магия. Но особая. Магия фантазии, вдохновения, таланта, в конце концов. Нери полагал, она есть во всем, что создается человеком. Но лишь при одном условии: человек делает это с удовольствием.

Я фыркнула.

– Понимаю, отчего этот трактат не давали нам в Канденском. Вы знаете, что творят студенты-артефакторы на первом курсе? С огромным удовольствием, замечу! Когда своя сила уже попробована, но еще не освоена, так и тянет определить ее границы. Разгуливающие по территории университета големы, собранные из... хм... подручных материалов, – это даже уже банальность. Мои однокурсники умудрились сотворить заговоренные девичьи панталоны, которые в первом семестре бегали за ректором и признавались ему в любви хриплым басом. В мужской уборной на один из, – я покосилась на благосклонно внимающего мне Линдена, – унитазов был украшен черным ониксом и сделался мощным боевым артефактом. Стоило на нем пристроиться несведущему новичку, как тот мгновенно обретал силы и желание биться с химерами. У нас на территории жила парочка охранных, и они через месяц не выдержали и пожаловались декану, что устали отгонять вдохновенных унитазом идиотов. Убивать и калечить нельзя, все-таки будущие ценные специалисты, а что делать, когда на тебя прет зачарованный студент с дрыном и воплем: «Со мной сила отходов!»? Не хватало нам еще неявной магии господина Нери, с артефакторной бы справиться!

Линден захохотал так, что на нас обернулось несколько прохожих.

– А вы? Что сотворили вы?

– О, – сказала я, чувствуя, как хорошее настроение испаряется, и понимая, что проговорила – ведь считалось, я заканчивала Канденский заочно. – Ничего особенного.

Линден распрощался со мной у «Лазурита». Заходить не стал, сказав, что ему необходимо вернуться в собственный магазин, однако мы договорились встретиться завтра и вместе отправиться к ювелиру Зельде.

– Пока у вас нет охраны, лучше не разгуливать по тому району в одиночестве, – заявил Линден. – Тем более, я с Зельдой знаком, и надеюсь, это поможет вам с нею договориться.

– Но, получается, я вас отрываю от дел!

– Все нормально, мисс Смит, – сказал Линден, глядя мне в глаза, поцеловал мою руку и был таков.

Нил встретил меня ревнивым взглядом.

– Мы только приехали в город, а тебя уже провожают кавалеры! Обо мне совсем забыла, – ворчал кот, следуя за мной по пятам на кухню. – Я тут голодаю и страдаю, пока некоторые, – Нил принюхался, – едят сенгийские закуски и кокетничают с красивыми мужчинами.

– Тоже заметил, что он красив? Из окна подглядывал?

– Неплох, – признал Нил. К чести его, врал он редко. – Поэтому и опасен. Береги сердечко, женщина, иначе потом осколки не соберешь.

– Ты мой незаменимый советчик! – я попыталась погладить кота, тот ловко увернулся. – Что бы я без тебя делала?

– Влипла бы в неприятности.

– Смею заметить, Нил, я и так в них влипла.

– Это до меня, – открестился кот. – А со мной... – Он вспрыгнул на стул, обернул лапы хвостом и задумался. – Со мной, пожалуй, тебе пока везет. Разве что вся эта история с твоей тетей мне не нравится. И дом...

– А что – дом? По-моему, весьма приятный.

– Зудит, – пожаловался Нил. – Ты уверена, что тут в подвале веками не резали козочек во славу бога смерти? Мыши ничего сказать не могут, глупые твари.

– Какие века, Нил? Дому лет пятьдесят, не больше.

– Значит, много козочек. Или медиума здесь прикончили. Или какая-нибудь мерзость в стену замурована. Я это чувствую.

– Если бы тут была мерзость в стенах, тетя непременно бы ее обнаружила и выкорчевала. Уверен, что это именно в нашем доме? Или, может, у соседей?

– Не знаю, – буркнул Нил. – Покормишь – подумаю.

Я готовила нам обоим ужин и размышляла. После визита мастера, обновившего защитный контур и освежившего магическую атмосферу в доме, я чувствовала себя здесь на удивление хорошо. Мне нравилось представлять, как я тут все обустрою, и жалела я лишь о том, что поздно пытаться разделить эту радость с тетей. С каждым днем, проведенным в доме, мне все сильнее не хватало Розалинды – а ведь мы не виделись столько лет. Но, несмотря на нашу редкую переписку, тетя была тут повсюду.

«Тем скорее тебе нужно выяснить, что с ней случилось», – подсказал внутренний голос. Людвиг пока не появлялся, лишь однажды мелькнув поблизости, однако я не сомневалась, что он заглянет ко мне довольно скоро. Особенно когда я дам знать, что готова к работе.

– Как думаешь, Нил, мы все успеем? Хочу открыться в следующую пятницу.

– В пятницу! Уверена, что люди не променяют тебя на посиделки в ресторациях?

– Трактиры стояли и будут стоять, а вот магазин артефактов...

– Тогда тебе нужно успеть дать объявления в газеты и прибраться. Тут же ничего не готово. И вообще, – проворчал кот, – рассказала бы, что там с провожавшим тебя красавчиком? Это мастер камней, верно?

За ужином я поведала Нилу о сегодняшнем дне, постаравшись не слишком-то петь дифирамбы Линдену, только вот котик все равно уловил мое настроение.

– Хотя бы сразу в него не влюбляйся, я тебя прошу.

– Кто тут говорит о влюбленности?

– Мне-то голову не морочь, я с тобой связан. – Нил повертел головой, и подвеска на его шее заиграла серебристо-зелеными всполохами. – Мысли твои не читаю, но уж фон... Хотя с тех пор, как ты стала носить проводник душ, сделалось сложнее. Может, выкинешь его? Или в сейфе запри.

Нил опасался мориона.

– Нет, пожалуй. Может, позже. Сейчас он мне необходим. А вдруг именно с его помощью я найду то, что тебя тревожит в доме?

– Может, это ничего не значащая мелочь. Давний отголосок, который навеки поселился здесь. Вроде меня. – Нил вздохнул. – Пожалуй, я возьму свои слова обратно. Не выкидывай морион – рано или поздно он тебе пригодится.

Мы оба знали, о чем он говорит, и развивать тему не стали.

Остаток дня и утро следующего я провела за уборкой и расстановкой вещей. Нарисовала план, прикинула, как лично мне будет удобно работать с материалами и какую часть мастерской

оставить для ювелира. Из уважаемой фирмы, рекомендованной Стайлсом, вызвала уборщиц, которые отмыли углы и обязались заглянуть еще раз, перед открытием.

Вещи понемногу обретали свои места. Вновь выстроились над торговой стойкой разноцветные стеклянные баночки, которые я заполнила цветными бусинами: эта тетина придумка мне всегда нравилась. Слева от входа вдоль стены протянулись витрины, где, как и в «Ларце», я расставила коробочки с камнями. Пришлось долго перебирать минеральное наследство и в итоге прийти к выводу, что заказ у Линдена, пожалуй, придется увеличить.

Дейв объявился ровно в полдень, как договаривались. Он приехал на кэбе, который должен был доставить нас туда, где жила мисс Ханниген. Сегодня Линден оделся неброско, да и я выбрала неприметное платье, опасаясь провоцировать обитателей бедных кварталов. По этой же причине я не надела никаких украшений, а морион надежно прятался под шарфом. О браслете – моей связи с Нилом – и вовсе никто бы не догадался.

В дороге разговаривали мало. Деловые беседы при кэбмене вести не хотелось, а для личных мы еще были недостаточно знакомы. Поэтому, обмениваясь с Линденом обыденными фразами о погоде (эти облака – не к добру), городских новостях и скорой свадьбе принца, я больше наблюдала за лицом моего нового знакомого, чем за его словами. У Дейва была живая мимика и широкая приятная улыбка, делавшая его лицо похожим на лукавый портрет коварного фейри, что остались лишь в легендах.

Зельда жила на улице Фонарщиков, хотя фонарщиками тут и не пахло. Запахи витали другие. Во всех крупных городах Иттании давно работала канализация и водопровод, однако при взгляде на данный район Райстона в это оказалось сложно поверить. Никаких мойщиков улиц тут и в помине не было, с вывозом мусора дела тоже обстояли так себе: Линден пояснил, что повозки уборщиков и золотарей появляются здесь хорошо если раз в неделю. И помойка в переулке никого не удивляет, и наглые крысы, которым даже лень от тебя разбежаться, а потому они вальяжно удаляются, волоча толстые хвосты. Яркие краски центра города уступили место серым, черным и болотно-зеленым. Иногда виднелся проблеск изумрудного или алого: кое-кто красил ставни в сочные оттенки, однако краска давно потрескалась, словно мечты выбраться отсюда.

Несмотря на то, что в жизни моей случалось всякое, я никогда не опускалась до откровенной нищеты; не то чтобы это был мой выбор, просто повезло. Повезло иметь тех, кто не отвернулся от меня, кто поддержал и при том имел достаточно средств, чтобы я ни в чем не нуждалась.

Герцогиня Аддисон, когда однажды мы беседовали, рассказала о том, как занимается благотворительностью: поведала, что в юности, попав в бедные кварталы, возжелала немедленно раздать все свои деньги тамошним обитателям, дабы те перестали быть настолько ужасающе нищими. Ее отговорил старший брат, объяснивший, что большинство людей понятия о деньгах не имеет.

– Он сказал мне следующее, – неторопливо повествовала Люсинда, отпивая кофе мелкими глотками. – «Дорогая, желания есть почти у всех, но почти никто не знает, что с ними делать. Большинство просто мечтает – выбраться из нищеты, красиво одеваться, жаждет лучшей доли. Ты можешь раздавать деньги просто так, но далеко не все. Сделай по-другому. Создай школу, где смогут учиться дети крестьян: тот, кто действительно хочет большего и готов за него бороться, проявит себя. Дай работу нуждающимся: если они и вправду желают изменить судьбу, то ухватятся за свой шанс обеими руками. Остальные... Их выбор будет прежним: чтобы добро падало на них с неба, а им не приходилось бы ничего делать». Это жесткие и даже, возможно, жестокие слова, мисс Смит. Только со временем я поняла, что они правдивы. Может, не для всех и не всегда, исключения лишь подтверждают правила.

Кэбмен, доведший нас до начала улицы Фонарщиков, отказался ждать и уехал; Линден отпустил его, уверяя, что потом найдет другого. Мы пошли по улице, сопровождаемые подо-

зрительными взглядами. Впрочем, в этот утренний час тут было мало народу: большинство трудилось на фабриках, в домах состоятельных горожан или же занималось не совсем честным промыслом. Даже дети не носились по улицам, как около Ратушной площади. Я чувствовала себя странно уязвимой под серыми взглядами домов и взяла Дейва под руку, чтобы вернуть уверенность.

– Со мной вам не стоит ничего опасаться, – мягко произнес Линден, – меня здесь знают, да и не настолько страшен этот район, как некоторые другие. Вот восточнее я б и вас не пустил, и сам не пошел.

– Вы уверены, что Зельда дома? – спросила я, обходя глубокую вонючую лужу.

– Скорее всего. Она после смерти леди Галбрейт дважды ко мне заглядывала, узнавала, не ищет ли кто-нибудь ювелира. Обмолвилась, что пока присматривает за младшими. У них большая семья, мать Зельды... – Линден запнулся. – Впрочем, это не мое дело. Думаю, она вам обрадуется и охотно вернется за стойку. Ну вот, мы и пришли.

Дом, в котором жила Зельда Ханниген, ничем особым в ряду остальных не выделялся: обшарпанная дверь, потрескавшийся фасад. Линден взял за кольцо и постучал, потом еще раз. Я услышала отдаленные детские вопли и усмехнулась.

– Мне кажется, нужно колотить ногами, чтобы нас услышали.

– Пока попробуем так. – Линден забарабанил кулаком по двери, и та внезапно распахнулась, так что мастер камней едва не заехал по лицу возникшей на пороге женщины.

– Мистер Линден? – та отступила в полутьму коридора. – Я вас не ждала.

– Все верно, Зельда, – Дейв успокаивающе ей кивнул. – Со мною дама, которая хочет поговорить с тобой о работе. Впустишь нас?

– Я... у нас не прибрано.

– Это не имеет значения, – мягко произнесла я. Опасения Зельды чувствовались отчетливо. – Я пришла поговорить и, если мы понравимся друг другу, озвучить вам деловое предложение. Готовы ли вы выслушать меня?

Зельда отступила еще дальше.

– Хорошо. Нам сюда.

Дейв пропустил меня вперед, и следом за ювелиром я прошла по узкому коридору в небольшую комнату. Здесь странно пахло: к аромату трав, пучки которых были развешаны по углам, примешивался чуждый запах. словно мы оказались не в комнате, а в пещере.

– Слушаю. – Зельда повернулась ко мне, скрестив руки на груди. Из-за приоткрытой двери соседней комнаты доносились детские крики и плач младенца, и это мешало мне сосредоточиться. Заметив выражение моего лица, Зельда подошла к двери, что-то тихо сказала на непонятном языке и ее закрыла. – Так удобнее, леди? – поинтересовалась она с вызовом, вновь обращаясь ко мне.

– Гораздо, – протянула я, пристально ее разглядывая.

Вначале мне показалось, что Зельде лет тридцать, однако полутьма сыграла со мной злую шутку. Теперь в переменном облачном свете, падающем из окна, непозволительно праздничном в этой скудно обставленной комнате, я видела, что ювелиру едва ли исполнилось двадцать. Молодая девушка, коренастая, с широким лицом и чуть приплюснутым носом, с коротко стриженными и даже на вид жесткими волосами, она была ниже меня на целую голову и напоминала, скорее, мальчишку-посыльного. Рядом с высоким Людвигом Зельда и вовсе смотрелась комично.

– Так и будете меня разглядывать, или о деле поговорим? – поинтересовалась мисс Ханниген.

– Зельда, – предупреждающе сказал Линден. – Прошу тебя. Это мисс Смит, племянница леди Галбрейт.

Девушка сделала шаг назад, и зрачки в ее желтых глазах на миг стали вертикальными. Мне даже показалось, что Зельда испугана, однако она тут же приблизилась, пристально вглядываясь мне в лицо.

– Вы на нее совсем не похожи, мисс. Вот ни капельки.

– Зельда!

– Что? – повернулась она к Линдену. – Я всегда правду говорю, пусть с самого начала это будет понятно.

– Моя тетя оставила мне записи, в которых особо отметила ваше усердие, мисс Ханниген. – Я решила не тянуть кота за хвост и перейти сразу к делу: коль уж девушка любит рубить сплеча, могу ответить тем же. – Тетиному суждению я доверяю. Да и мистер Линден о вас хорошо отзывался. Если вы не нашли другое место, возможно, согласитесь зайти в «Лазурит», чтобы я оценила ваши умения?

– Вы снова открываете магазин? – изумилась Зельда. – Но ведь... – Она запнулась и перевела растерянный взгляд на Линдена.

– Я артефактор, мисс. И да, я открываю «Лазурит» снова. Конечно, с большей частью амулетов я справлюсь сама, однако наверняка будут и клиенты, которые захотят приобрести ювелирные украшения. Потому я в любом случае стану искать мастера.

– Леди Галбрейт никогда не говорила, что ее племянница – артефактор, – пробормотала девушка.

– Леди Галбрейт, полагаю, распространялась лишь о том, что ей было угодно.

– На что имела полное право, – негромко заметил Дейв за моей спиной.

– И вы вот так запросто хотите иметь со мной дело? – Зельда приподняла брови. – Вы же меня не знаете. Посмотрите внимательно, точно уверены?

Она явно на что-то намекала, но я никак не могла догадаться, на что. Возможно, следовало заглянуть с утра к Вивьен и выпить самую большую чашку кофе, закусив гигантской шоколадной булочкой. Вдруг бы голова лучше работала!..

– Если вы хороший ювелир и мы сможем сработаться, не вижу препятствий.

– Точно не видите? – насмешливо откликнулась Зельда и шагнула еще ближе. Я уставилась ей в глаза – колдовские, янтарно-желтые глаза, зрачки в которых на миг снова сделались вертикальными. Солнце ударило в окно с весенним энтузиазмом, ярко осветив комнату, и я наконец разглядела и чуть заметный зеленоватый отлив кожи Зельды, и заостренные кончики ушей.

«Она полукровка. На четверть или одну восьмую орк. Вот так история».

Впрочем, нередкая. Может, в Райстоне полукровок и немного, а в столице их всегда хватало. После войны с орками, случившейся лет восемьдесят назад, их след остался не только на руинах сожженных замков. Оркам нравились человеческие женщины, которые не могли противостоять грубой силе, а тогдашний король после кровопролитных битв специальным указом запретил убивать младенцев – от кого бы они ни были рождены. Сейчас давняя ненависть понемногу сходила на нет, но лишь в среде аристократов. От нашествия пострадал, в основном, простой люд. Орки с тех пор редко появлялись в Иттарии, а жившие в стране полукровки частенько подвергались не просто осуждению – их откровенно презирали.

У герцога Аддисона одной из кухарок работала пожилая женщина, наполовину орчанка. Готовила вкусно и истории по вечерам рассказывала такие, что заслушаешься. Я не видела ничего странного или страшного в ее лице, фигуре, глазах или резком, даже рычащем голосе. И Зельда меня не напугала, более того: мелькнула мысль, что за место свое она станет держаться обеими руками.

– Вижу вас, а препятствия – нет, – безмятежно заметила я, не отводя взгляда от лица девушки. – Главное, чтобы мы поняли друг друга в деле. Артефакторика – тонкое искусство, и я хочу быть уверена, что мои формулы ложатся на украшения наивысшего качества.

– Я... – на лице Зельды проступила растерянность, девушка посмотрела мне за плечо, словно безмолвно спрашивая совета у Линдена. Видимо, Дейв подал одобряющий знак, так как Зельда взглянула на меня с большей уверенностью, чем раньше. – Если так, то что ж... Когда мне прийти в «Лазурит»?

– Жду вас завтра утром к девяти. Сегодня мне должны доставить драгоценные металлы, я взяла пока немного, для пробы. Посмотрим, как вы с ними работаете, и, если все пойдет хорошо, закажем уже под вас. В тетиных запасах осталось некоторое количество ювелирных украшений, однако я не знаю, какие из них делали вы, а какие она, возможно, приобретала на стороне...

– Тут я вам помогу, – усмехнулась Зельда и отступила к окну: теперь она словно не опасалась быть увиденной. – Они все сделаны мною. Леди Галбрейт хотела работать только с одним-единственным ювелиром, который помогал с ее задумками. Она такая была, простая леди. Говорила: «Зельда, мне нравится, как ты камушки с серебром складываешь, а потому зачем тут другие мастера!». Поверила в меня. Считается ведь: такая, как я, камень способна обтесать разве что другим камнем, подтверже. Да что б они понимали!

Девушка фыркнула. Я оглянулась на Линдена: тот еле заметно улыбался и смотрел на Зельду едва ли не отеческим взглядом.

– Ну что ж, мисс Ханниген, тогда мы договорились. Жду вас завтра в «Лазурите».

– Я приду. И... спасибо, миледи.

– Пока не за что.

– Мне кажется, есть за что, – буркнула Зельда.

Глава 8

– Вы ей понравились, – сказал Линден на обратном пути. Кэб, как и обещал, мастер поймал без труда, и мы тряслись по неровной мостовой, иногда заваливаясь друг на друга.

– Вы так думаете? Особого дружелюбия она не выказала.

– Этого вы от Зельды и не дождетесь. Она привыкла вступать в бой мгновенно, прежде чем нападут на нее, и, боюсь, это уже не изменится. Такая судьба.

– С тетей она же как-то работала.

– И сопротивлялась всем попыткам повлиять на нее. Примите непрощеный совет: Зельда делает то, что считает нужным. Однако ее творения... Вы же видели. Они того стоят.

Я задумчиво на него покосилась.

– Похоже, вы хорошо ее знаете.

– Она неоднократно оказывала услуги и моим клиентам, – пожал плечами Дейв. – Кстати, лицензия у нее есть, если вам это важно. Зельда обучалась у Ротмана, это довольно известный в Райстоне ювелир.

– Как она у него оказалась? Как вообще девочка из предместий, полукровка, попала в ювелирное дело? Туда и благополучная девушка, скорее всего, не войдет, что уж говорить...

– Эта история мне неведома. Если вам удастся разговорить Зельду, тогда и узнаете. А! Я выйду здесь. – Линден постучал по перегородке, и извозчик остановил кэб. – Прекрасного вам дня, миледи. Если вам понадобится что-то еще...

– Мы едва знакомы, а вы уже так много для меня сделали, – улыбнулась я.

– Совершенно недостаточно, – не согласился Линден, поцеловал мне руку, глядя прямо в глаза, и был таков. Оставил меня размышлять, что же он имел в виду: недостаточно знакомы или недостаточно сделано? Впрочем, и то, и другое звучало... многообещающе.

Воспользовавшись тем, что в моем распоряжении имеется приличный кэб, я попросила отвезти меня в охранную фирму. Адрес подсмотрела еще вчера в тетушкиных записях и подумала, что незачем тянуть. Если уже с завтрашнего дня в «Лазурите» появится ювелир и возьмет на радость всем превращать драгоценные металлы в украшения, лучше, чтобы было кому охранять эти украшения. Магия защитного контура ограждает от воров в ночи, однако ей не под силу вышвырнуть за воротник уже пробравшегося в магазин воришку. Тетя рассказывала мне множество историй о мошенниках и о том, как они пытаются отвести внимание, чтобы втихую опустошить полки. Для того и требовался охранник, сочетающий зоркость и силу, а в идеале еще и немногословность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.